

Олег Шелонин

Виктор Баженов

Царский сплетник и шемаханская царица

Я пришел дать вам волю!

Олег Александрович Шелонин
Виктор Олегович Баженов
Царский сплетник и шемаханская царица
Серия «Царский сплетник», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3944715
Царский сплетник и шемаханская царица: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-0943-3

Аннотация

Как ни старался царский сплетник ударными темпами наладить книгопечатание, но у него так ничего и не получилось. Да и когда ему газетным бизнесом заниматься, ежели его то государь на пирушку затащит, то потом бояре на плаху отправить норовят, да ко всему царь-батюшка чином боярским пожаловал и такими буйными землями наградил, что в них запросто можно остаться без головы. А тут еще шемаханское посольство как снег на голову свалилось... И залихорадило святую Русь. Ну как в таких условиях серьезными делами заниматься? И пришлось царскому сплетнику засучивать рукава, чтобы вновь заняться спасением отечества...

Содержание

1	4
2	13
3	21
4	27
5	30
6	35
7	41
8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Олег Шелонин, Виктор Баженов

Царский сплетник и шемаханская царица

1

– Опасность... я чувствую опасность...

Виталий застонал и перевернулся на другой бок. В голове и так шумело после трехдневного застолья, а тут еще во сне Парвати стала доставать.

– Бойся женщины... она принесет беду... – назойливо зудел в его голове голос индусской богини.

Смутное видение трансформировалось в обнаженное женское тело, но это была не Парвати. Во сне перед царским сплетником голая Янка с цветком лотоса в зубах отплясывала что-то среднее между канканом и лезгинкой.

– Твою мать! Когда ж ты женишься, сволочь? Невозможно же работать! – прозвучал в голове Виталика сердитый голос Парвати, и образ Янки начал расплываться. – Я ему об опасности, а у него, козла, все одно на уме! Женщины бойся, дурак!

Пронзительный визг, следовавший за этим внушением, сбросил Виталия с постели и заставил окончательно проснуться. Юноша потряс головой. За окном было уже светло. Вопль повторился. Виталий вскочил на ноги и в одних трусах выскочил из спальни. Пятки царского сплетника дробно застучали по лестнице. Он во весь опор неся на шум, гадая, что случилось на этот раз на буйном подворье Янки Вдовицы. Верещала явно хозяйка, но, судя по обертонам и еще кое-каким неуловимым интонациям, не от страха или боли, а от бешенства.

– Опять Васька с Жучком чего-то учудили, – сообразил парень и прибавил ходу, спеша спасти пушистых оборотов от гнева хозяйки.

Васька, иссиня-черный кот-баюн и Жучок, истинный оборотень, принимавший вид то маленькой домашней собачки, то огромного матерого волка или, в зависимости от обстоятельств, человека, постоянно шломили и периодически огребали за это от Янки то ухватом, то метлой. Она со своими охранниками, приставленными к ней Бабой-ягой, особо не церемонилась и спуску не давала.

Вихрем проскочив гридницу, царский сплетник помчался в холодную часть дома на шум и гам, несшийся с той стороны. Шум доносился из подклети. Юноша нырнул в полуподвальное помещение и в свете солнечных лучей, льющихся в кладовую через узкое окошко, расположенное под самым потолком, увидел следующую картину: Васька с Жучком с трудом удерживали рвущуюся в бой хозяйку, которая норовила огреть ухватом что-то черное, мохнатое, лежащее в углу, а вокруг царил полный разгром. На полу лежали надкусанные шматки сала, обгрызенные колбасы и окорока, бочка с вином исходила последними рубиновыми каплями, мерно падающими вниз из открытого краника...

– Всем стоять! – рявкнул Виталий.

Янка опомнилась и прекратила верещать. Парень протиснулся мимо девицы к ее жертве, склонился над клубком.

– Ну ни фиги себе!

В углу подвала лежал черт. Маленький, мохнатенький, с хрестоматийными рожками и копытцами, свиным пяточком да плюс ко всему, судя по исходящим от него ароматам, в

дупель пьяный. Пятачок и руки были измазаны в чем-то красном, а еще от него воняло. Виталий брезгливо поморщился, затряс головой.

– Янка, у тебя здесь где-то рыба стухла, а он, как мне кажется, ей умудрился закусить.

– Ты что, с ума сошел? – опешила Янка, оправляя на себе ночную рубашку. Девушка тоже, видать, была только что с постели и рванула на разборку, впопыхах не удосужившись одеться до конца. – Я только копченую да свежего посола рыбку здесь держу. Чай не ледник, обычная подклеть.

– Понятно. Ну и что здесь происходит? Кто сюда рогатого притащил? – Виталий грозно посмотрел на секьюрити вдовицы.

– Ты чё городишь, сплетник! – дружно, в один голос завопили Васька и Жучок.

– Кто ж эту тварь ненасытную сюда притащит?! – Васька простер лапу к полкам. – Смотри, что натворил! Сколько сметаны выпил, гад! Половина кринок пустые!

– А сколько мяса перепортил! – вторил ему Жучок. – Самое лучшее, с сахарными косточками сожрал! А здесь... ты знаешь, сколько здесь было колбасы? Да ты смотри, смотри!

Виталик посмотрел. Кругов колбас, подвешенных на балке, осталось очень мало. Как минимум две трети мясной продукции бесследно исчезло. Пока он с Янкой любовался на погром, кот умудрился выскользнуть из подвала, что-то старательно пряча передними лапами за своей спиной. Виталий вновь склонился над чертом.

– Янка, это ты его так? – поинтересовался юноша, рассматривая выпачканные в крови руки и пяточек ночного визитера. В том, что неожиданный гость прибыл еще затемно, сомнений не было. Чтоб столько выпить и сожрать, времени нужно было много.

– Нет, – сердито буркнула девушка, зябко передернув плечиками. В подклети было не жарко, и босые ножки вдовицы приплясывали на холодном полу. – Васька с Жучком не дали. Он уже такой был.

– Даже яблоками не побрезговал, – покачал лобастой головой Жучок, пнув лапой валяющийся на полу огрызок. – Хозяйка, ты бы отвары свои проверила: а вдруг он туда наплевал.

Янка ахнула и кинулась к полкам со склянками, в которых хранила лекарственные зелья. Виталик перевернул мохнатый клубок на другой бок. Черт немножко повозился и опять засопел в две дырочки. Красный след на полу в том месте, где проехали лапки незваного гостя, привлек внимание журналиста. Он коснулся его пальцем, понюхал.

– Да это же краска, – дошло до царского сплетника. – Эй, Жучок, а ну-ка возьми его за рога. Я беру на себя копыта. Тащим этого ханурика к колодцу. Будем приводить в чувство. У меня к нему есть ряд вопросов.

– У него рожки, а не рога, как за них зацепишься?

– Ну, за руки.

– Они у него грязные, – заупрямился Жучок.

– Тогда за уши хватай, – начал сердиться юноша.

Такой вариант оборотня устроил. Уши у черта были длинные, как у козла, и хвататься за них было удобно.

– Все зелья целы, – с облегчением сказала Янка и поспешила по лестнице за постояльцем с оборотнем, которые вытаскивали черта наверх.

Они уже волокли его через сени, когда со стороны двора раздался дикий мяв и с крыши что-то грузно рухнуло на землю.

– Васька-а-а!!!

Янка молнией пронеслась мимо Виталика с Жучком и выскочила во двор. Журналист с оборотнем бросили черта на пол и рванули вслед за ней. Баюн лежал на земле, раскинув в разные стороны все четыре лапы, и внешний вид его заставил всех содрогнуться. Черная шерстка на голове Васьки была вымазана в какой-то бело-розовой субстанции, щедро усеян-

ной кровавыми сгустками, а на лбу шерсти не было вообще. Вместо нее там торчала черепная кость. Открытые глаза его бездумно смотрели на плывущие по небу облака.

– Васенька... – Янка пошатнулась, но быстро справилась с собой. – Не трогать здесь ничего! – крикнула она и метнулась обратно в терем.

Жучок сел на хвост возле мохнатого друга, шальными глазами посмотрел на него, пару раз шмыгнул носом.

– Васька... дружбан... – Волк задрал морду кверху и завыл.

Из сеней выскочила Янка с баулом в руках. Ночная рубашка развевалась за ней, как знамя на ветру.

– Ты что, с ума сошел? – треснула она оборотня по загривку, плюхаясь на колени рядом с Васькой. – Нашел время песню смерти петь. Видишь, он еще дышит! Лучше воды чистой с колодца принеси.

Жучок помчался на задний двор к колодцу, и оттуда до Виталика донесся энергичный скрип ворота. Юноша присмотрелся к баюну. Грудь гигантского кота мерно вздымалась в такт дыханию. Он еще был жив, но спасти его удастся вряд ли. С раскрытым черепом, когда мозги наружу... Внимание царского сплетника привлекли лапы баюна. Они, как и у черта, были вымазаны в чем-то красном. Парень потрогал пальцем лапу Васьки, понюхал... краска! И запах. Теперь и от баюна несло тухлой рыбой и... тем, что он сразу не уловил. Свежим перегаром!

– Ты терпи, Васенька, терпи, – всхлипывая, причитала Янка, выуживая из баула какие-то склянки и белые тряпицы. По щекам вдовицы текли слезы. – Ты, главное, не умирай. Я ж тебя еще котеночком... Я... я тебя выхожу, все будет хорошо...

Виталий задрал голову вверх и сразу увидел, что на крыше, неподалеку от печной трубы, торчит черенок то ли лопаты, то ли граблей, то ли чего-то там еще. С этой позиции не видать, но, что бы это ни было, данная вещь там явно лишняя. А еще он увидел деревянную лестницу, приставленную к стене терема Янки Вдовицы. Она немножечко, где-то на полметра, не доставала до края крыши. Еще вчера вечером эта лестница валялась около сарая. Это он знал точно, так как она валялась там всегда. Ну, может, и не всегда, но, по крайней мере, с того момента, как он поселился на этом буйном подворье, лестница своего местоположения не меняла. И, что интересно, ее перекладыны в некоторых местах тоже были измазаны в краске.

Виталий выдернул из стоящего неподалеку чурбана топор и решительно полез по лестнице вверх. Янка, хлопотавшая над своим любимцем, на постоянного внимания уже не обращала. Для нее сейчас существовал только ее Васенька, и, пока она над ним колдовала со своими склянками, юноша решил разобраться с тем, кто скинул баюна с крыши. Однако добравшись до верха, он понял, что разбираться будет не с кем: ни одной живой души там не наблюдалось, но совсем недавно явно кто-то был, так как весь тесовый скат был размазан алыми розами. В нос юноше ударила невыносимая вонь, исходившая от огромной полуразложившейся рыбы, пришипленной к крыше вилами, черенок которых юноша и увидел с земли.

– А это еще что такое?

Изумленный голос Янки заставил Виталика вывернуть голову и посмотреть вниз. Девушка крутила в руках белый черепок, сдернутый с головы Васьки, который все поначалу приняли за осколок черепа кота.

– Да это же кринка... – Янка макнула палец в розовую субстанцию, заляпавшую голову ее любимца, лизнула... – Сметана с клюквой... Ах ты, сволочь ушастая!!! Ах ты, морда бессовестная!!!

Янка откинула в сторону черепок и возжелала схватить Ваську за горло, но тот умудрился вывернуться, взметнулся с земли и с воплем «Не виноватый я!!!» ринулся наутек, по

дороге снеся лестницу, на самом верху которой стоял Виталик. Лестница рухнула на Жучка, тащившего «болезному» ведра с колодезной водой. Рядом с ним в землю вонзился топор, выпавший из руки царского сплетника, а сам Виталик повис, судорожно цепляясь за край крыши.

– А ну стой, сволочь хвостатая!

Виталик на них внимания уже не обращал. Его задача была теперь не повторить путь кота, навернувшись с этой верхотуры вниз. Главное, что ушастый обормот жив, а гоняет его Янка не в первый раз. К этому царский сплетник уже привык. Рывком подтянувшись, он сумел закинуть одну ногу на край крыши. На расстоянии вытянутой руки заметил нож, вогнанный в дерево по рукоятку, и немедленно использовал его в качестве дополнительной опоры. Еще один рывок – и царский сплетник оказался на самом верху. Только поднявшись во весь рост, он смог оценить открывшуюся перед ним картину по достоинству. Над тухлым осетром, прищипленным вилами к крыше, вилась туча мух, а вокруг в художественном беспорядке были раскиданы розы. Но не одни они украшали этот натюрморт. Ближе к комлю большими корявыми буквами кто-то красной краской намалевал энергичную надпись: «СПЛЕТНИК, БУДЕШЬ МЕШАТЬ – УБЬЕМ!» Буквы во многих местах оказались смазаны. На них отчетливо были видны следы копытцев и отпечатки чьих-то лап разного размера. Одни из них явно принадлежали коту, другие смахивали на верхнюю пару конечностей ночного визитера, который, скорее всего, и был автором этих строк. Было на крыше и еще три надписи, исполненные таким же корявым почерком. Одна из них гласила: «НО ПАСАРАН! ОНИ НЕ ПРОЙДУТ!» Вторая повергла юношу в шок: «БЕЙ ЖИДОВ, СПАСАЙ РОССИЮ!» А уж последняя вообще была наповал: «СПАСИБО, ХОЗЯИН, ВИНО У ТЕБЯ ХОРОШЕЕ!»

– Слышь, Жучок! – крикнул Иван. – А ну-ка вытащи этого антисемита во двор!

– Какого антисемита? – Оборотень обалдело тряс головой, не отрывая глаз от топора, вонзившегося в землю рядом с его мордой.

– Того, что в сенях лежит. Этого кадра без присмотра оставлять нельзя. Удерет еще, а мне очень с ним по душам побеседовать охота.

– Ага... – Оборотень столкнул с себя лестницу и направился к сеням.

Мимо него просвистел кот, за которым неслась Янка с метлой наперевес. Они скрылись в тереме. Царский сплетник прислушался. Судя по грохоту, Янка сумела загнать пушистого обормота в свою светелку и активно занималась там воспитательной работой. Тем временем Жучок выволок черта из сеней во двор. Несмотря на то что он тащил его за хвост, возмутитель спокойствия, послуживший причиной всех этих безобразий, проснуться не соизволил.

– И что дальше? – крикнул оборотень.

– Спит?

– Спит.

– Это хорошо. Давай лестницу и ползи сюда.

Оборотень бросил черта, поставил лестницу на прежнее место и удивительно ловко вскарабкался на крышу.

– Ух ты! Цветы...

– И тухлая рыба, – многозначительно сказал царский сплетник, задумчиво глядя на проткнутого вилами осетра. Еще раз осмотрелся. Кроме вил в крышу в хаотичном порядке были воткнуты ножи и вилки, в которых он сразу опознал столовый набор Янки Вдовицы. А еще там лежала до боли знакомая вымазанная в краске тюбетейка.

– Э, да тут написано: будешь мешать – убьем! – озаботился Жучок.

– Написано.

– Как думаешь, от кого послание? От Кощея? От Дона? А может царю-батюшке чем не угодил?

Виталик посмотрел на оборотня как на больного.

– Ну, это я так, предположение высказал, – смутился Жучок.

– Нет, друг мой. Что-то мне говорит, что это сигнал от Дона.

– С чего ты взял?

– Так сицилийская мафия сообщает своей жертве, что ее приговорили. Ну, а так как мы в России, на всякий случай, для товарищей, не знакомых с их обычаями, перевод сделали: будешь мешать – убьем.

Очередной мяв со стороны светелки Янки закончился стуком створок распахнувшегося окна. По бревенчатому срубу заскрежетали когти, и на крышу вскарабкался всклокоченный кот.

– Нет, ты мне скажи, кто так над рыбкой издевался? – возмущенно прошипел он, глядя на царского сплетника шальными глазами.

– Вот это нам и надо установить, – хмыкнул журналист. – Пока что я понял только то, что мы получили первый звоночек от коза ностра.

– Насчет коз носатых не знаю, у нас такой нечисти раньше не водилось, – сердито мявкнул Васька, – но, судя по рыбке, это твои пираты постарались.

– С чего ты взял? – опешил юноша.

– А кто у нас всю рыбу Великореченска к рукам прибрал? – воинственно спросил кот. – Твои гаврики постарались. Больше некому.

– Почему только они? – кинулся защищать своих людей Виталий. – Половина Вилли Шварцкопфу отошла. Он ей сейчас спекулирует, а остальное царь-батюшка в оборот взял. Забыл, что ли? Нам же с этого проценты капаят.

– Тогда точно немец, – категорично заявил кот. – Фрицы, они такие...

– Слышь, хвостатый, – ласково спросил Виталик, – а ты себя часом не отмазываешь? А ну колись, почему у тебя лапы в краске? А вон и следы от них. Ну-ка, наступи рядом, будем отпечатки лап сверять.

– Ну, было дело, – отпрыгнул в сторону кот, – прихватил кринку. Думал, сейчас на крыше душу отведу, полакомлюсь, а тут рыбка. Я к ней, а над ней мухи... – Глаза Васьки стали жалостливые-жалостливые. – ...Не выдержал я такого зрелища. Так над рыбкой издеваться! Ну, я с крыши в обморок и упал... вместе со сметанкой. А уж когда кринка об меня разбилась – совсем плохо стало. Инфаркт миокарда! Видать, стареть начал. О-хо-хо, грехи наши тяжкие, – почесал Васька спину, по которой только что прошла метла Янки.

– Ладно, по поводу сметаны, считай, отмазался. А вот объясни мне, усатый, почему от тебя перегаром тянет?

– Это не от меня! – запаниковал Васька. – И вообще, он первый начал!

Реакция у царского сплетника была великолепная. Он успел схватить за шкуру Жучка, не дав ему удрать, подтянул поближе, принялся. От оборотня тоже несло свежаком.

– Ага. На пару соображали, – сообразил царский сплетник. – Признавайтесь быстро: погром в погребе – ваша работа?

– Нет, его! – дружно ткнули пушистые обормоты в черта, лежащего внизу во дворе.

– Я в подклети, помнится, видел надкусанные куски сала, – вкрадчиво сказал Виталик, – а ведь черти сало не едят.

– Они что, евреи? – фыркнул кот.

– Нет, они не евреи, они просто родней не закусывают, – пояснил юноша, – думаю, что каннибализм не в почете даже в аду. Ну, так что? Будем колотиться или как?

– Не было нас там, – уперся Васька.

– Черт все сожрал! – поддержал его Жучок.

– И выжрал, – добавил баюн.

– Ладно, оставим разбор полетов на потом. Охраняйте этого рогатого, пока я одеваться буду.

– От нас не уйдет! – Васька с самым зверским видом выдернул из красного теса двухслойной крыши вилы. – Он мне за рыбку ответит, гад!

– Верно. – Жучок вырвал из крыши столовый нож. – Будем мстить!

– Так, хвостатые, – нахмурился Виталий, – если он до допроса не доживет, я вас...

– Что? – насторожились телохранители Янки.

– Хозяйке сдам, вот чего!

– Так не было ж ничего!

– Ничего не было!

– А это уж вы ее ухват у объяснять будете: было, не было... – отмахнулся царский сплетник и начал спускаться. Только на этот раз не с помощью лестницы, концы которой не доставали до ската крыши, а через окошко, ведущее на чердак.

– Куда?! – всполошился Васька.

Поздно. Царский сплетник уже нырнул в чердачное окошко и тут же наткнулся на галерею кринок со сметаной.

– Та-а-ак, ну, Васька, попрыгаешь ты у меня.

Виталий спустился с чердака, заскочил в свою спальню и начал натягивать на себя штаны, в которых прибыл в этот мир из Рамодановска. Непривычный для этих мест костюм стал чуть ли не его фирменным знаком. По нему народ издалека определял, что идет царский сплетник, и загодя начинал ломать шапки. Слава крутого криминального авторитета Великореченска, сумевшего не только близко сойтись с царем-батюшкой, но и быстро разобраться с Кощеем Бессмертным и с таинственным Доном, бежала впереди него. Спустившись в гридницу, юноша прислушался. Судя по звукам, Янка шуршала в подклети, наводя порядок. Сейчас это его устраивало. Пока она там возилась, у него еще было время довести предварительное расследование до конца. Выйдя во двор, он первым делом погрозил кулаком Ваське с Жучком, которые задумчиво стояли над чертом – один с вилами, другой с топором, и направился к будке оборотня. Пришла очередь волноваться Жучку.

– Ты чего там позабыл?

– Я ничего, – откликнулся царский сплетник, становясь на карачки, – а вот ты по рассеянности, может, чего и забыл.

– Э! А санкция на обыск у тебя есть? – начал петушиться Жучок.

– Ишь, какой грамотный выискался.

Виталий попытался сунуть голову в конуру и понял, что чутье его не подвело. Будка Жучка была забита мясом с сахарными косточками и колбасами так, что голова туда не пролезала.

– Вот вы и попались, голубчики, – удовлетворенно сказал царский сплетник, поднялся с земли.

– Что ж ты так неаккуратно!

Около него тут же материализовались Васька с Жучком и начали отрясать пыль на коленях с его брюк своими мохнатыми лапками, подобострастно заглядывая в глаза.

– Вдруг царь-батюшка к себе зачем потребует, а ты как чушка в пыли да в грязи вывалился, – тоном заботливой няньки бормотал Васька.

– А ежели Дон с Кощеем нагрянут? – вторил ему Жучок. – Враз весь авторитет растеряешь!

– Я оценил ваши заботы. Но тем не менее у вас есть только один шанс избежать заслуженной кары: добровольное признание. Оно, говорят, смягчает наказание. Я же вас, прохиндеев, насквозь вижу. Наверняка Янка собиралась сделать разборку в подвале, а заодно реви-

зию своим припасам. А что вас могло спасти от ревизии? Правильно: ограбление. Быстро колитесь: кому пришла идея на это дело черта нанять и где вы его откопали?

– Да никого мы не нанимали! – опять ушел в глухую несознанку кот.

– Не нанимали никого, – упрямо мотнул головой Жучок.

– Сейчас Янку позову, – пригрозил Виталик.

– Не надо! – взмолился Васька, помялся и безнадежно махнул лапой. – Ладно, сплетник, всю правду тебе скажу. В подвале мы его с Жучком прищучили, а он сразу полез обниматься, – шмыгнул носом кот, – и ведь знал, чем нас взять, зараза! Каждому налил. Одному, видите ли, пить не в кайф было. Ну, какой истинно русский кот...

– ...и собака... – понуро вздохнул Жучок.

– ...от такого предложения откажется? – закончил Васька.

Деваться пушистым обормотам было некуда, и они начали колотиться. Этой ночью они на пару устроили очередной набег на запасы Янки Вдовицы, что делали, как выяснилось, неоднократно. Только на этот раз они наткнулись в подвале на развеселого черта, присосавшегося к бочке с вином. Увидев потенциальных собутыльников, черт страшно обрадовался, полез обниматься, после чего налил каждому по полной чаре и устроил телохранителям Янки Вдовицы такой радушный прием, что они не устояли. Застолье проходило по всем правилам конспирации: они не топали, не шумели, песни не орали и даже тосты произносили шепотом. Черт периодически отрывался от застолья, но исключительно для того, чтобы сходить во двор по нужде. Если бы они знали, покаянно били себя лапами в грудь секьюрити вдовицы, что во время отлучек этот наглец посещал еще и крышу, дабы совершить акт вандализма над бедной рыбкой и намалевать там похабные надписи! А когда вино кончилось и черт окончательно ушел в нирвану, обормоты спохватились и недолго думая решили списать все эти безобразия на него, пополнив заодно свои личные запасы. И это бы, возможно, прокатило, если б рогатый не напакостил на крыше, о чем они в тот момент не подозревали, а царский сплетник не оказался таким дотошным.

– Ну наделали вы дел... Янка!!!

– Сплетник!!! Ну не будь сволочью!!! – взвыли проштрафившиеся охранники.

– Чего тебе? – Во двор выскочила раскрасневшаяся девушка с веником в руках. В отличие от царского сплетника, она еще не успела одеться и продолжала щеголять в ночной рубашке.

– Вот этого кадра хочу Гордону показать, – кивнул на черта Виталий, – а в мешке на горбу тащить как-то несподручно. Может, присоветуешь чего?

Васька с Жучком с облегчением перевели дух.

– Присоветую, – сердито откликнулась девица.

– Чего?

– Никуда его не носить.

– Это еще почему? – нахмурился Виталик.

– Потому! Нечего тебе с этим чертом в палатах царских делать.

– Янка! Этот черт не просто так сюда явился. Чую: заговор. Дело государственной важности назревает.

– Знаю я ваши государевы дела. Вы, как сойдетесь, сразу дым коромыслом. Всего и делов-то – меч в пузо за царя-батюшку получил, а весь Великореченск потом три дня не просыхал!

– Да я ж по делу!

– Так я тебе и поверила. Вот только попробуйте с ним сюда на рогах с песняком припереться и полгорода с собой притащить. Если Василиса вам не нальет, у меня не просите.

– Не, Василиса не нальет, – успокоил разбушевавшуюся девицу Виталик. – Царица, как и все бабы, это дело не уважает.

– О том и речь! Учти, я тоже не налью. Нечего. Не забывай, что эта сволочь рогатая все вино у нас вылакала, – пнула она босой ножкой похрапывающего черта.

– Так его, хозяйка, так! – закивал головой Жучок.

– Ты его лучше вот этим. – Васька плюхнул в руки девушки вилы, которые Виталик тут же у нее отнял.

– Н-да-с... до допроса мой свидетель тут не доживет, – сообразил он.

– Свидетель чего? – насторожилась Янка.

– Страшного преступления, караемого рядом статей Уголовного кодекса, – начал нагонять туману Виталик. – А так как наш свидетель является одновременно и подозреваемым, а рядом с Васькой и Жучком может оказаться заодно и потерпевшим, то я в отношении него запускаю программу по защите свидетелей.

– Ничего не поняла, – тряхнула копной каштановых волос Янка.

– И не надо. На данном этапе твоя задача не понимать, а помогать – как мне его упаковать покомпактнее, чтобы в глаза не бросался и можно было спокойно протащить к царю?

– Сейчас сделаем. Подожди.

Девушка метнулась в терем.

– А я думал, заложит, – перевел дух Васька.

– Сплетник – мужик что надо! – радостно сказал Жучок. – Своих не сдает.

– Не думайте, что так легко отделались, – усмехнулся парень. – Должны будете.

Янка выскочила из сеней с резной табакеркой в руках.

– Сюда его засунем.

– Ух ты, какая красивая. Кто подарил? – ревниво спросил юноша.

– От бабушки по наследству досталась, – успокоила его вдовица; сделала пасс в сторону черта, и тот мгновенно съезжился, став размером с маленькую мышку.

– Круто! – Царский сплетник взял его за хвостик, кинул в табакерку, захлопнул ее и сунул в карман. – Ну, я к царю.

– Ты что, даже завтракать не будешь? – удивилась Янка.

Аппетит у царского сплетника был отменный, и на завтрак он обычно уминал целую гору плюшек с чаем.

– Говорю ж тебе, дело государево, – шлепнул по карману с табакеркой царский сплетник. – Но к ужину обязательно вернусь. Так что жди.

Виталик вытянул губы трубочкой и попытался сграбастать Янку, чтобы чмокнуть в щечку, за что тут же схлопотал от нее веником по голове.

– Куда лапы тянешь?

Слабая вибрация земли совпала с затрещавшими воротами.

– Янка, а тебе не кажется, что к нам кто-то стучится? – заволновался Васька.

– Ой, я, кажется, полог забыла снять, – испугалась девица, делая пасс рукой, и на подворье Янки Вдовицы хлынула лавина звуков.

Янка давно уже использовала эту уловку. Полог неслышимости и недостижимости она накладывала в тех случаях, когда надо было разобраться с Жучком, Васькой или с Виталиком, не привлекая внимания соседей к тому, что творится на ее подворье.

– Ломай ворота! – Командный голос Федота заставил Янку встрепетаться. – Все на штурм! Царский сплетник и Янка Вдовица в опасности!

– Ой! – Только тут девушка сообразила, что стоит посреди двора в одной ночной рубашке, и метнулась в терем.

Царский сплетник же рванул в другую сторону, сообразив, что brave воины сотника Федота запросто снесут ворота вместе с петлями и опорами, с которых теперь был снят полог недостижимости. Он успел откинуть засов и отскочить в сторону. Ворота с грохотом распахнулись. Два десятка стрельцов в обнимку с огромным бревном просвистели мимо царского

сплетника, запнулись о чурбан для разделки мяса и рухнули вместе со своим импровизированным тараном посреди двора.

Последним во двор ворвался сотник Федот с саблей наголо. Увидев сплетника живого и здорового, да еще и с любопытством рассматривавшего, что получилось в центре двора, а получилась, понятно, куча-мала, стрелецкий голова с досады сплюнул и закинул саблю обратно в ножны.

– С Янкой все в порядке? – сердито спросил он.

– Все путем. А чегой-то вы здесь делаете? – наивно хлопая глазами, поинтересовался юноша.

– Гонцы мы от царя-батюшки! И почетный караул! Полчаса уже тут во все двери стучимся!

– Слышь, сплетник, – задумчиво сказал Васька, – может, мы теперь так дрова на зиму заготавливать и будем? Ежели каждый гонец к нам сюда с бревном... Может, они заодно его и распилят?

– Да вы совсем обалдели! – гневно рявкнул Федот. – Там вся боярская дума в полном составе царского сплетника ждет, царь-батюшка вокруг трона круги нарезает, а вы тут о бревне!

– Бревно тоже дело важное, – возразил сплетник. – Давай скажем, что вы его действительно на дрова принесли. А то, если Янка увидит, что вы с этой фигней в ее ворота ломились, плохо будет.

– Верно, – оживился Жучок, – пока Янка не видит, начинайте пилить.

– Не, вы точно с ума сошли, – пробормотал Федот.

В этот момент окошко на втором этаже терема распахнулось и из него высунулась Янка, уже одетая в свой любимый голубой сарафан.

– Что там у вас случилось?

– Да вот дровишки вам принесли, – сразу схватились за пилу стрельцы.

– Но это так, заодно, по ходу дела, – заволновался Федот, – вообще-то мы пришли сказать, что царь-батюшка царского сплетника видеть желает... уже полчаса желает... вместе со всей боярской думой... Я тут со стрельцами вроде как гонец и заодно почетный караул.

– Царя-батюшку заставлять ждать нельзя, – с сожалением вздохнула Янка.

– Вот и я о том, – обрадовался Виталик. – Уже иду.

– А мы проводим, – вызвался Жучок.

– Куда? – нахмурилась Янка. – А дрова кто пилить будет? Вы с Васькой остаетесь.

Васька с Жучком скривились и нехотя взялись за пилу, которую стрельцы с готовностью им уступили.

– Слышь, Федот, – прошипел Васька, демонстративно выпуская когти, – чтоб в следующий раз сюда ломились с заранее напиленными и сложенными в поленницу дровами.

– Ага... – Сотник бочком выскользнул с подворья.

За ним, кусая губы, чтоб не рассмеяться в голос, шел царский сплетник, гадая, за каким чертом потребовался царю-батюшке в такую рань, что он послал за ним гонца, да еще и с почетным караулом? Вроде вчера только расстались после трехдневной пьянки в честь спасителя отечества, и первую ночь он провел относительно спокойно. Неужели Гордон будет требовать продолжения банкета?

2

В палатах белокаменных Виталий пару раз уже бывал, а потому, оказавшись внутри, уверенно двинулся в сторону рабочего кабинета царя Гордона, но Федот на полпути его тормознул.

– Тебе туда, – кивнул он в сторону тронного зала.

– Так ты не шутил? – удивился Виталик. – Там действительно Гордон вокруг трона круги нарезает?

– Нет, конечно. С каких это пор цари холопов ждут? Не по чину, однако, будет, – рассудительно сказал Федот. – Он приказал: как тебя в палаты царские доставлю, ему об этом лично доложить, а уж опосля и он на заседание боярской думы с царицей-матушкой пожалует.

– Стратег, – одобрительно кивнул головой Виталий. – Однако что-то назревает. Не знаешь, из-за чего сыр-бор?

– А тебе Янка не сказала? – настороженно спросил Федот.

– Нет.

– Ну, тогда и я не скажу, – улыбнулся в усы сотник. – Иди, сплетник, не задерживай. Одного тебя все ждут.

Юноша не стал перечить. Он приветливо махнул рукой стрельцам, застывшим в почетном карауле у дверей, и вошел в тронный зал. Бояре при виде царского сплетника надменно задрали бороды и бороденки вверх и демонстративно отвернулись. Нового фаворита царя-батюшки в этой среде не жаловали, именovali не иначе как безродным выскочкой и говорили с ним через губу, несмотря на все его заслуги перед отечеством. Лишь войсковой воевода боярин Кондыбаев приветливо махнул рукой. Остальные же члены боярской думы старательно делали вид, что царского сплетника здесь нет, и продолжали заниматься своими делами. А дел сегодня у думы было неувпроворот: бояре злословили, шушукались, обменивались последними новостями и играли кто в кости на щелбаны, а кто в подкидного дурачка в ожидании державного. Ну и, разумеется, гадали, по какому поводу на этот раз Гордон созвал ни свет ни заря на экстренное заседание боярскую думу. Предположений было много, но все сходились во мнении, что, чем бы это заседание ни закончилось, кошельки растрясать любому придется, так как царь-батюшка, дай Бог ему здоровья, да со всего размаху, вечно привечает всяких иноземных проходимцев за их, боярский, счет. Виталик огляделся и понял, что ему даже притулиться негде. Все лавки были заняты боярскими задами. Лишь скромное кресло неподалеку от тронов Гордона и Василисы пустовало. К нему царский сплетник и направил свои стопы. Бояре тут же заметили и недовольно зароптали:

– Ишь, к царю-батюшке поближе пристраивается!

– Совсем одолела худоба безродная!

– Дык... он ему вроде жизнь спас...

– Так то бабушка надвое сказала. Можя, спас, а можя, и сам злоумышлял. Иноземцы, они хитрющие!

– Верно баешь, Кобылин. Таперича сплетник ваще обнаглеет.

– Да уже обнаглел. Говорят, дверь в кабинет Гордона ногой открывает...

– И чем он кормильца нашего так приворожил, не пойму?

– Чё ж тут непонятного? С нечистой силой связался. Поселился-то вона где! На подворье Янки Вдовицы! А она самая что ни на есть ведьма!

– Ну, ты говори, да не заговаривайся, Буйский! Знахарка, а не ведьма. Ты, когда сам животом хворый стал, кого на свое подворье зазывал: лекарей иноземных али Янку Вдо-

вицу? Вот то-то и оно. И называл ты ее тогда не ведьмой, а Янкой Лекаркой. Скажешь, не так? – сердито спросил Кондыбаев главу боярской думы.

– Вот всегда тебе слово наперекор сказать надобно! Из-за таких, как ты, Козьма, род боярский и худеет! – зашипел на воеводу Буйский.

Назревающий скандал остановил рев труб.

– Государь всея Руси царь Гордон со своей супругой Василисой Прекрасной! – торжественно провозгласил глашатай.

Бояре начали прятать карты и кости по карманам, торопливо вскакивать с лавок. Поднялся со своего кресла и Виталик. Распахнулись узорчатые двери парадного входа, и в тронный зал вошли Гордон с Василисой. Бояре тут же начали усиленно, в пояс, кланяться. Виталик же лишь приветственно махнул рукой и дружески кивнул головой. Василиса невольно рассмеялась.

– Однако придворному этикету тебя придется подучить, – усмехнулся Гордон, помогая супруге усесться на трон.

– Извини, государь, – смутился царский сплетник, – непривычно мне это как-то.

– Придется привыкать. На первый раз прощаю, но впредь на официальных приемах изволь хотя бы один поклон, как положено, отвесить, – погрозил пальцем Гордон царскому сплетнику и махнул рукой, предлагая боярской думе садиться. Бояре поспешили пристроить свои сиденья на лавках. Виталик тоже попытался сесть, но Гордон его жестом остановил.

– Не спеши, царский сплетник. Мы с тобой еще за пиршественным столом успеем насидеться.

– Опять? – страдальчески сморщился Виталий. – Три дня ж уже гуляли.

Его страдальческая физиономия вызвала положительную реакцию со стороны Василисы. Царица-матушка одобрительно кивнула, но голоса не подала.

– Гуляли, но не в таком же составе! – обвел рукой боярскую думу Гордон. – Или ты что, новый сан обмывать не собираешься?

– Какой сан? – насторожился царский сплетник.

– Сейчас узнаешь.

Царь Гордон трижды хлопнул в ладоши, и в тронный зал вошли слуги.

– Объявляю свою царскую волю! – торжественно провозгласил Гордон. – За раскрытие заговора супротив короны и спасение жизни первого лица государства жалую моего царского сплетника Войко Виталия Алексеевича саном боярским и шубой со своего плеча!

Гордон взял из рук первого слуги горностаевую шубу и лично накинул ее на плечи обалдевшего от такой чести журналиста. Второй слуга с поклоном передал царю боярскую шапку, которую Гордон тут же напялил на голову Виталику. Довершил картину боярский посох, плюхнувшийся в руки царского сплетника.

– Специально для тебя делан, – подмигнул Виталику Гордон. – Ты постоянно во что-нибудь влипаешь. Вот этим посохом, в случае чего, и отмахнешься.

Посох действительно был хорош. Острый, словно пика снизу, он был украшен сверху массивным набалдашником. Виталик взвесил посох, проверяя баланс.

– Свинцом, что ли, залит? – любопытствовал он, разглядывая резной набалдашник.

– С первого раза угадал! – восхитился царь. – Ну что, по руке посох будет?

Посох замелькал в руках царского сплетника с такой скоростью, что бояре ахнули.

– Еще как по руке! – одобрил подарок Виталий.

– Я знал, чего дарить, – самодовольно сказал царь. – Не первый год с боярской думой воюю. Ну, сплетник, теперь твое место рядом с ними, – кивнул он на тихо ропшущую боярскую думу.

Виталий покосился на смотрящих на него зверем бояр и отрицательно качнул головой.

– А можно я здесь посижу? – кивнул он на кресло, стоящее особняком.

– Тебе можно! – решительно махнул рукой царь.

– Гля-кошь, – завистливо прошипел кто-то из бояр, – не успел шапку боярскую получить, и сразу под бочок к царю-батюшке подкатывается. Место потеплее занять норовит.

– Не, это он в оппозицию от нас уходит, – догадался какой-то особо грамотный боярин. – Супротив боярской думы что-то задумал.

Виталику стало откровенно смешно. Царский сплетник еще раз воинственно крутанул в руке посох.

– Это кто тут против оппозиции? – весело спросил он.

Боярская дума тут же прекратила роптать, зато подал голос царь.

– Ну, предположим, я, – сказал он, с любопытством глядя на сплетника. Гордону явно было интересно, как царский сплетник выкрутится.

Виталий его не разочаровал.

– Ты – царь, а не боярин, так что ты не считаешься.

– А если я за, – лукаво спросил Гордон, – то буду считаться?

– Ну это же другое дело! Считаю, что ты записан в оппозицию. Ну, а кто против нас с царем-батюшкой? – спросил юноша боярскую думу, поигрывая посохом.

Василиса Прекрасная звонко расхохоталась.

– Ну и наглец же твой новый боярин, – сообщила она мужу.

– Зато теперь с такой-то оппозицией я с ними быстро разберусь! – дружелюбно хлопнул по плечу Виталика Гордон.

– А можно я тоже в оппозицию запишусь? – подал голос боярин Кобылин.

– И я. Я тоже в оппозицию хочу...

– И я!

– И я!

Буквально через несколько секунд выяснилось, что боярская дума в полном составе решила срочно записаться в оппозицию, что очень порадовало царя-батюшку.

– Редкое единодушие, – умилился он, – любо-дорого смотреть. Молодец, сплетник. Умеешь находить подход к людям. Однако, если все в одну дуду гудеть будут, скучно станет. Это что ж, мне на заседаниях боярской думы даже гонять некого будет? Не, так не дело пойдет. Оппозицию распускаю! У кого есть возражения? – Гордон начал засучивать рукава. – Давайте, давайте, не задерживайте, а то мне очень хочется приступить к прениям.

– Ты бы, царь-батюшка, процедуру присвоения титула боярского хоть до конца довел, – удрученно вздохнула Василиса Прекрасная, – а потом к прениям сторон переходил.

– Ну да... – почесал скипетром затылок Гордон, заставив корону съехать на лоб. – Присяга. О ней я как-то позабыл. Давай, сплетник, присягай мне на верность.

– Сейчас... – Виталий набрал в грудь воздуха побольше. Единственная присяга, которую он в своей жизни давал, была воинская присяга, а вот как присягают царю, он в упор не знал, а потому начал импровизировать на ходу: – Клянусь служить отчизне до последней капли крови... э-э-э... всех ее врагов и обломать вот этот посох о спины непокорных воле царя-батюшки. Так пойдет? – спросил он у Гордона, закончив речь. – От ритуала недалеко ушел?

– Нормально, – одобрил царь, – садись.

Виталий сел в присмотренное ранее кресло, Гордон взобрался на трон. В царской шубейке, да еще и в боярской шапке юноше сразу стало жарко, и он поспешил стянуть шапку с головы и пристроил ее у себя на коленях, вызвав очередной смешок из уст Василисы Прекрасной.

– Ты бы шапку-то надел. Не на паперти чай, – посоветовала она. – А то бояре опять сбрасываться начнут.

– Пусть сбрасываются, – буркнул царский сплетник, но все же шапку натянул обратно на голову, – глядишь, и на терем боярский наскребут. Не вечно же мне на постое у Янки состоять.

– Ты что-то против имеешь? – прищурилась царица.

– Нет, – улыбнулся Виталик, – веселое у нее подворье. Не соскучишься.

– И от палат царских недалеко, – кивнул Гордон, – однако резон в твоих словах есть, сплетник. Жалую тебе подъемные в размере тысячи золотых из казны царской... – При этих словах Василиса расцвела, и Виталик сразу понял причину ее радости. Заклятие, которое царский сплетник назвал «синдромом Плюшкина», наложенное на Гордона неведомым врагом, начинало потихоньку рассеиваться под действием защитных чар Василисы и благодаря лекарскому искусству Янки Вдовицы. – ...И земельный надел, соответствующий сану боярскому, – продолжил свои благодеяния царь. – Отписываю тебе Заовражную измененность. Вся эта территория вместе с Засечным кряжем и Сварожской гатью отныне твоя!

Боярская дума при этих словах так радостно загомонила, что Виталик почувствовал неладное.

– Земли хорошие, прибыльные, – начал расхваливать свой подарок Гордон. – Урожай хороший дают... давали.

– Вот только желающих на эту землю немного, я угадал? – спросил царский сплетник.

– Так то по скудоумию своему бояре неразумные от подарка отказываются, – скривился царь. – Народишко глупый пошел, суеверный. Но ты не сомневайся. Таких земель, что я тебе пожаловал, ни у кого на Руси нет. Умному человеку есть где развернуться. Глядишь, я к тебе еще и на охоту приезжать буду... если, конечно, с эльфами сумеешь договориться.

– С кем? – ахнул Виталий.

– С местными жителями.

– Эльфы – местные жители? – недоверчиво спросил Виталик. – С каких это пор в наших исконно русских землях эльфы местными стали?

– С тех пор, как с западных земель сюда мигрировали, – тяжело вздохнул Гордон. – Пришлось дать им вид на жительство.

– Пришлось? – испытующе посмотрел на царя новоиспеченный боярин.

– Пришлось. А ты попробуй не дай! Они знают, как из луков стреляются. Опять же мы что, звери, чтоб не дать приют бездомным? Короче, отдаю их под твою руку вместе с вампирами, оборотнями, лешими, гномами и болотниками с чертями.

– Чертями?

– Ну да. Чертова мельница тоже в твоих землях стоит. А ты что, об этом не знал?

– Не знал.

– Ну, теперь знаешь.

– А гоблинов и троллей там случайно нет?

– Откуда я знаю, кого туда еще занесло? Я что, дурак туда теперь свой нос совать?

– Да-а-а...

– Чего замолк? Благодарю давай.

– Спасибо тебе, отец родной, – обреченно выдохнул Виталик, – за подарок твой официальный. Век не забуду твой доброты.

Он уже понял, что помимо буйной компании подворья Янки Вдовицы на него навесили не менее буйные земли, заселенные родной и иноземной нечистью, с которой ему теперь придется налаживать отношения. И это не считая огромного объема работ, связанного со строительством типографии для организации газетного дела и книгопечатания на Руси.

– Вот и умница, – кивнул Гордон. – В земли свои без свиты боярской не лезь. И, пока там не утвердишься, к троллям не суйся. Запрещаю категорически. В момент сожрут. Ну свита, я так полагаю, у тебя уже есть. Ты с ней на днях Великореченск штурмом брал, так

что опереться на первых порах тебе будет на кого. Для холопов твоих уже и одежды специальные пошиты. – Царь резво прыгнул со своего трона и подал руку супруге, помогая и ей спуститься. – Ну, а теперь все на пир! Чествовать нового боярина будем!

Виталий еще раз обреченно вздохнул и поплелся за царственной четой в пиршественный зал. Все эти чествования ему уже порядком надоели. Подручные дон Хуана де Аморалиса, из тех, кого живыми взять сумели, в узилище четвертый день сидят, допроса ждут, а они все празднуют! Если так дальше будет продолжаться, недолго и в запой уйти. Как бы поделикатней намекнуть, что неплохо бы и делами заняться: царскому сплетнику – типографскими да вновь навязанными ему боярскими, а царю-батюшке – государственными?

* * *

Ближе к полудню от благих намерений царского сплетника не осталось и следа. Пир царь-батюшка закатил на славу. Здравницы в честь спасителя отечества произносились одна за другой, водка, медовуха и дорогое заморское вино лились рекой, а потому скоро застолье плавно перешло от здравиц к банальным примитивным анекдотам порой довольно фривольного содержания, которые бояре называли байками и по очереди рассказывали под водочку с огурчиком и жареным поросеночком с хренком. Разумеется, это не все, что было на столе, который буквально ломился от яств, но лучше всего водочка шла именно под жареную хрюшку. Дошла очередь и до царского сплетника.

– Давай, боярин, – усмехнулся Буйский, – повесели общество своей байкой.

Виталик, который рассчитывал, что его минует чаша сия, слегка растерялся. Он как журналист знал бесчисленное множество довольно забавных анекдотов, профессия обязывала, но ни один из них не прокатывал в этом обществе. Ни царь, ни бояре их просто не поймут! Вот разве что загнуть чего-нибудь из жизни братьев наших меньших, да подвязать анекдот под великореченские реалии...

– Ладно, так и быть. Загну вам один забавный анекдот.

– А это еще что за зверь? – не понял Буйский.

– Байка, – пояснил Виталий.

– Так бы сразу и сказал, – фыркнул боярин Кобылин, – а то бросается словами иноземными...

– А кто тебе мешает их выучить? – задиристо спросил царский сплетник. – В наше время без знания языков...

Гордон отрывисто рассмеялся, и юноша поспешил заткнуться. Уровень его знаний в этой области (три пишем, два в уме) царь-батюшка выяснил при первом же знакомстве со своим новым подданным.

– Давай свой анекдот, – благожелательно кивнул Гордон.

– Что такое черепахи, знаете? – на всякий случай спросил Виталик.

– Да что ж ты, сплетник, нас совсем за темных держишь? – загомонили бояре.

– Знамо дело, знаем!

– Вона их сколько возле реки Великой ползает.

– Это радует, – кивнул царский сплетник. – Ну, слушайте. Решил однажды дон Хуан де Аморалис... – Бояре встрепенулись. Имя дон Хуана, организатора нападения на царя, у всех было на слуху. – ...Устроить в Великореченске зоопарк.

– А что такое зоопарк? – недоуменно спросил боярин Жеребцов.

– Место, где зверей всяких экзотических в клетках держат, – терпеливо пояснил Виталий.

– А зачем это ему надоть? – удивился боярин Засечин.

– Выпендриться захотел. – Царский сплетник начал потихоньку закипать. – Показать, какой он умный и интеллигентный.

– Врешь ты все, сплетник, – тяжеломерно бухнул боярин Буйский, – не было у дон Хуана де Аморалиса никакого зоопарка.

– Так это же байка! – начал срываться Виталик. – Ну, скажем так: предположим, что дон Хуан де Аморалис решил однажды устроить в Великореченске зоопарк.

– А-а-а...

– Предположим...

– Ишь, мудрено-то как.

Чуя, что анекдот безобразно растягивается, рискуя потерять свою изюминку, Виталик зачистил:

– И вот заказал он себе из разных стран зверей диковинных: тигров, львов да леопардов всяких, ну и из местной живности немножко зверей набрал. Волков, лисиц, медведей и черепах. В клетки всех зверей посадил и охрану к ним решил приставить, чтоб кто-нибудь чего-нибудь не спер.

– Это да!

– На Руси это могут, – загалдели бояре.

– А потому охранять зверей он парочке своих ассасинов¹ приказал, – продолжил рассказ юноша.

– Кому? – переспросил боярин Засечин.

– Ассасинам, – раздраженно ответил Виталий. – Своим русским ниндзя обдолбанным, что с утра до вечера чертов табачок нюхают. Секта такая. Вы что, забыли, с кем стрельцы в римских термах рубились, когда на царя-батюшку покушение было? Трое из них, между прочим, до сих пор в тюрьме сидят, допроса дожидаются.

– А-а-а...

– Вот они какие, ассасины!

– Ишь, мудрено-то как!

– Царь-батюшка, – взмолился Виталик, – дай досказать смешную историю: прикажи им заткнуться. Не доводи до греха. Если они меня еще раз о чем-нибудь спросят, точно кому-нибудь голову откручу.

Василиса Прекрасная прыснула в ладошку.

– Продолжай, сплетник, свою байку рассказывать, – махнул рукой Гордон, – у тебя это здорово получается. Вишь, как царицу-матушку зацепило. Еще досказать не успел, а уже развеселил. А вы помолчите! – прикрикнул он на бояр. – У царского сплетника слово с делом не расходится. Если пообещал голову открутить – значит, открутит.

За пиршественным столом тут же воцарилась тишина, и юноша наконец-то сумел довести до конца свою байку.

– И вот посадил он своих ассасинов обкуренных зверушек охранять. Ну, охраняют они, охраняют, и по ходу дела чертов табачок покуривают. Обкурились в хлам! Один обкуренный второму и говорит: «Слышь, друг, а ведь черепахам воздух нужен». «Верно, – отвечает второй ассасин, – они же в клетке сидят, как бы не задохнулись». – «Давай им клетки откроем, чтоб проветрились». – «Давай». Сказано – сделано. Открыли клетки. Наутро приходит в свой зоопарк дон Хуан де Аморалис – нет черепах. Начал он трясти своих ассасинов: «Где черепахи, мать вашу!!!» Ассасины ему и отвечают: «Да вот решили мы черепахам клетки проветрить, чтоб не задохнулись, дверцы открыли, а они как в них ломану-у-ули-и-ишь...».

¹ **Ассасины** (от *арабского* *assassini* – хашишин, потребитель гашиша). В средневековых хрониках так называли персидских и сирийских исмаилитов-низаритов (шиитская ветвь ислама, возникшая в VIII веке в Багдадском халифате). Существуют расхожие представления о низаритах как о террористической секте, члены которой, одурманенные наркотиком фанатики, совершают многочисленные убийства на политической и религиозной почве.

Несколько секунд в пиршественном зале стояла напряженная тишина, а затем подал голос боярин Буйский.

– Нет, пусть мне голову отвернут, но я хотел бы знать: на фиг открывать дверцы: в клетках же для воздуха завсегда дырки есть!

– Тьфу! – не выдержал Виталик. – Царь-батюшка, можно, я его все-таки убью?

– Посох новый опробовать не терпится? – рассмеялся Гордон, засучивая рукава. – Это дело! Я тоже давненько скипетром не работал. Сейчас мы с ними со всеми разберемся.

– А не пора ли тебе делами государственными заняться, сокол мой ясный? – ласково спросила своего царственного супруга Василиса Прекрасная. – Да и вы, гости дорогие, поели, попили, теперь пора и честь знать, – обвела она строгим взглядом боярскую думу.

Царь-батюшка сразу обмяк, как спущенный воздушный шарик, а боярская дума, уловив намек, дружно выползла из-за стола и начала откланиваться. Только царский сплетник вместе со всеми не спешил. Слова царицы о делах государственных напомнили ему о том, с чем он сюда поутру наведаться собирался. На вопросительный взгляд Василисы тихо ответил: «Дело у меня к царю-батюшке есть», – и как только за последним боярином закрылась дверь, выложил на стол табакерку.

– Знатной работы вещьца, – вскинул брови царица. – Если мне память не изменяет, тетушке моей принадлежала. Янка дала?

Виталик утвердительно кивнул головой.

– На время попользоваться.

– И зачем ты ее сюда притащил? – недоуменно спросил Гордон.

– Чтобы показать вам вот это, – открыл шкатулку юноша, продемонстрировав царственной чете дрыхнувшего в табакерке черта. Он так сильно набрался в Янкиной подклети, что до сих пор еще похрюкивал и повизгивал во сне.

– Откуда он у тебя? – нахмурилась Василиса.

– Из подвала Янки Вдовицы, – ответил Виталий. – Попытался сообщить, что, если я кому-то там буду мешать, меня убьют, но наткнулся в подвале на бочку с вином и не устоял перед искушением.

– От кого он сообщение пытался передать? – резко спросил Гордон.

– Как протрезвеет, уточню, но в принципе догадаться и так нетрудно.

– Так от кого? – напряглась Василиса. – Не томи, сплетник.

– Думаю, это от Дона к нам привет пришел.

– Ты чего городишь? – опешил Гордон.

– А от кого ж еще? – пожал плечами царский сплетник. – Кощей, пока я при смерти лежал, своей мертвой и живой водой меня, можно сказать, с того света вытащил. По собственному почину, между прочим. Так что мы с ним почти замирились. А Дон лошадка темная. Да и послание было в чисто сицилийском стиле изложено. Тухлая рыба на крыше в ореоле красных роз. И для особо одаренных, незнакомых с языком сицилийской мафии, надпись: «Будешь мешать – убьем».

– Во подставу кинули! – ахнул Гордон.

– Говорила тебе: доиграешься! – хмыкнула царица.

– Вы о чем это? – насторожился Виталик.

– Ни о чем, – сердито отмахнулся царь. – Просто возмущаемся.

– А-а-а... понятно. Я ведь потому о собственном тереме и задумался, – честно признался царский сплетник. – Хозяйку мою риску подвергать не хочу. Охоту-то на меня открыли, но, если Янка все время под боком будет, в разборке запросто могут пришибить и ее.

– Ясно, – скрипнул зубами царь. – Значит, так, сплетник. Топай домой, и пока я с этим делом не разобрался, с подворья Янки Вдовицы ни ногой! Федоту передай, чтоб десяток

лучших стрельцов для охраны вашего подворья выделил, и еще один десяток персонально для тебя пускай дает.

– Да на шута мне столько? – испугался Виталик.

– Для охраны! Нет, лучше я сам скажу. Так надежней будет. Ну, царский сплетник, давай на посошок, и двинули.

Гордон со своим новым боярином под неодобрительным взглядом Василисы выпили на посошок, после чего царь с трудом поднялся и, слегка пошатываясь, направился к выходу.

– И куда ж ты, сокол мой ясный? – грустно спросила Василиса.

– Кое с кем по душам потолковать надо, – сердито буркнул царь. – А ты чего расселся? – прикрикнул державный на царского сплетника. – Бегом домой. Сиди там и Янку охраняй, пока все не утрясется.

– Уже бегу. – Виталий захлопнул табакерку, засунул ее обратно в карман и выскочил из-за стола.

В последнее время домой ноги несли его сами. Что бы он ни говорил о собственном тереме, подворье Янки Вдовицы стало для него настоящим домом. Там его ждала любимая девушка с парой разбитных пушистых оборотов, без которых жизнь была бы так скучна!

3

На полпути к подворью Янки Виталий внезапно передумал. Он увидел впереди отряд стрельцов, двигавшийся в ту же сторону, сообразил, что это Гордон направил охрану к своей родственнице, сразу успокоился за Янку и резко вильнул в сторону, пока не попался второму отряду, который должен был охранять его персону. Вместо подворья юноша направил стопы в сторону трактира «У Трофима», решив, что пора загрузить работой свою новую свиту, состоящую из бывших пиратов. Однако дойти до него не успел. Из толпы горожан, случившейся на его пути, выдавился огромный бородатый детина и бросился ему в ноги.

– Не погуби, отец родной! – со следами на глазах завопил бородач.

– Малюта? – опешил Виталик. – Да встань ты, неудобно же. Народ шугается. – Юноша помог подняться палачу и затащил его в ближайший проулок. – Что случилось?

– Царь-батюшка запретил без тебя смертников трогать!

– Каких смертников? – нахмурился царский сплетник.

– Тех, что против государя нашего замыслили.

– Ассасины, – сообразил Виталик. – Ну и чего ты от меня хочешь?

– Выручай, отец родной! Который день без работы! Сапожок испанский все примерить не могу. Табуреточка моя с колышком без дела стоит. Сам придумывал, лично! Еще день-два, и я так без работы загнусь, что и смертнички вместе со мной загнутся.

– Чего?!!

– Так опыт же теряю! Квалификация падает. Когда ж ты на работу-то выйдешь, отец родной? Душа горит, руки чешутся.

– Тьфу! – сплюнул Виталик. – Твою б энергию да в мирных целях. Потерпи еще денек. Завтра мы с Гордоном навестим твое заведение, снимем допрос с злодеев. А сейчас извини, дела срочные у меня.

– Завтра, значит? – расцвел палач. – Ну, наконец-то! Слава тебе, Господи! Пойду колышек подзаточу, щипчики накалю, на крысах проверю.

– Так ты на крысах тренируешься, – невольно рассмеялся царский сплетник.

– А на ком же еще? Пищат, сволочи, душа радуется.

– Ну, иди тренируйся, маньяк, – милостиво разрешил Виталик. – Если ассасины завтра упрутся рогом и уйдут в глухую несознанку, разрешу испытать на них испанский сапожок.

Палач не пошел. Окрыленный посулами царского сплетника, он побежал! Юноша покачал головой и возобновил свое движение к трактиру.

В заведении Трофима новоиспеченного боярина ждал сюрприз. Его свита не сидела спокойно на постоялом дворе. Она оккупировала половину трактира и обмывала свое новое назначение. Все щеголяли в роскошных зеленых кафтанах, зеленых портках и зеленых сапогах. А во главе его свиты сидел даже не боцман Семен, что было бы логично, а Ванька Левша – личный столяр-кузнец царского сплетника. И что интересно, бывшие пираты относились к нему с большим почтением.

Заметив вошедшего в трактир шефа, его свита разразилась восторженными воплями. Все повскакивали со своих мест, кинулись навстречу, подхватили слегка обалдевшего от таких бурных проявлений чувств боярина на руки и усадили за стол на самое почетное место.

– Приказывай, боярин! – загомонили пираты. – На кого сегодня идем?

– Еще не знаю, – пробормотал юноша, с любопытством разглядывая одежду своей свиты. – Это кто ж такие цвета подбирал?

– Царь-батюшка лично распорядился, – степенно отвечивал Ванька Левша. – Чтоб, значит, среди листвы неприметней быть, чтобы эльфы из своих луков сразу всех стрелами не перебили.

– Ну, Гордон, – покрутил головой Виталик, – удружил. Так... Семен со своей командой в зеленое облачился, это я понимаю. Они – моя воинская свита, им это в лесу будет нужней, а ты-то зачем?

– Так я же... – растерялся Ванька Левша.

– Так ты же прокоптишь его около горна в своей кузнице.

– Но я же... как это... первопризванный, – расстроился Левша. – Первый под твою руку пошел. Типа как сотник теперь. Как мне без зеленого кафтану?

– Вот теперь все ясно, – рассмеялся царский сплетник. – Зеленый цвет становится цветом моего дома. Прямо хоть герб заказывай. Ладно, носи. Но не забывай, что ты в первую очередь мой главный технический специалист, а не воин. Все понял?

– Ага, – обрадовался кузнец. – А кафтан я, боярин, сберегу, не сумлевайся. Одевать токмо по красным дням буду, а у горна и вовсе сыму. Да, боярин, – прогудел Левша, – а главный технический специалист – это главнее, чем сотник?

– Спрашиваешь! Воинов много, а таких кузнецов, как ты, раз-два и обчелся, – успокоил его царский сплетник. – Так что свитой моей пусть командует Семен, – хлопнул боцмана по плечу Виталик, – а ты командуй железками и деревяшками. В этом деле будешь моя правая рука. Лады?

– Лады, – расплылся в довольной улыбке Левша и повернулся к пиратам. – Слыхали? Я его правая рука! Так-то вот! Ладно, так и быть, теперь тебя сотником назначаю, – обрадовал он Семена.

Виталик рассмеялся.

– Борзеешь на ходу. Но вообще-то мыслишь в правильном направлении. Семен будет моя левая рука. И запомните все одно золотое правило: вы отныне моя боярская свита, и все должны не только за меня и близких мне людей, но и друг за друга стоять горой. Если Янку Вдовицу или, скажем, сестру али племянку Ваньки Левши кто обидеть посмеет, все как один на защиту рвануть должны. Это всем ясно?

– Ясно! – дружно гаркнула свита Виталика.

Такие порядки всех устраивали.

– А мы тебя тут давно ждем, боярин, – сообщил Виталику Семен. – Столик вот накрыли.

Перед царским сплетником тут же материализовался трактирщик Трофим.

– Счетик не изволите подписать? – радостно осведомился он. Судя по его сияющей физиономии, счетик был на астрономическую сумму.

– Если опять туда включил будущие дебоши и погромы, можешь сразу вычеркнуть, – строго сказал царский сплетник, не соизволив даже заглянуть в счет. – Мы теперь работаем строго в рамках правового поля.

Трактирщик разочарованно вздохнул и пошел вычеркивать из счета основные пункты, на которых собирался озолотиться.

– Так, ребята, – сказал Виталий, – пьянка на сегодня отменяется. Вы без меня тут наверняка успели неплохо погулять, мне царь-батюшка тоже просыхать не давал, пора и честь знать. Дело есть. Проблемка одна организовалась. Гордон со своей стороны ей сейчас лично занимается, ну и вам к решению этой проблемы подключиться придется. А теперь слушайте внимательно.

Свита Виталика перестала галдеть и наострила уши.

– Вы в Великореченске не замечали товарищей, щеголяющих в тюбетейках?

– Замечали.

– Есть здесь такие.

– А помнишь того, что на рынке шаурмой торгует? – азартно сунулся вперед Левша. – В тюбетейке был!

– Помню. Рад, что и ты помнишь. Так вот, – поднял палец вверх царский сплетник. – Одну такую тубетейку я нашел на подворье Янки Вдовицы в тот день, когда у нас оттуда пирааний сперли, а потом почти сразу нападение на царя было. Вторая появилась сегодня утром на крыше терема Янки Вдовицы, а рядом с тубетейкой – политически безграмотные надписи, и кое-какие из них угрожающего содержания.

– Капитан... в смысле боярин, так это ж наезд! – возмутился Семен.

– Совершенно верно, – кивнул Виталик, сдернул с головы боярскую шапку и шмякнул ею о стол. – Я вас, конечно, не призываю заниматься националистическими чистками, но организаторов этих наездов надо найти! Ваня тут очень кстати припомнил про торговца шаурмой. Эта торговля – блеф. Обычное прикрытие. Главный товар у него другой. На самом деле этот гад на рынке втихаря приторговывает чертовым табачком. Ваша задача установить за ним негласную слежку. Так, чтоб он ни в коем случае не догадался о ней, поэтому зелененькие кафтаны тем, кто этим займется, временно придется снять. Надо будет отследить все его контакты, всех клиентов, кто он такой, где живет, чем дышит, откуда получает чертов табачок. Надо выйти на тех, кто его снабжает наркотиками, и двигаться по цепочке дальше. Только так мы доберемся до его хозяев. – Царский сплетник кинул на стол увесистый кошель. – Это на первые расходы. Даю вам сутки. К послезавтрашнему утру у меня должна быть первая информация. Справитесь?

– Спрашиваешь, боярин!

– Конечно, справимся.

– Это еще не все, – вновь поднял палец Виталик, заставив свою свиту замолчать. – Царь-батюшка мне тут подарочек подкинул. Земельным наделом облагодетельствовал. Всю Заовражную низменность вместе со Сварожской гатью и Засечным кряжем выделил.

– Знаем... – тяжело вздохнул Иван. – Гиблые места, боярин.

– Это я уже понял, – кивнул Виталик. – Так вот, Семен, разделишь свой отряд на две части. У тебя сейчас под командой сорок человек, если я не ошибаюсь?

– Сорок.

– Десяток самых неприметных оставишь в городе отслеживать тубетейки, остальных – на исследование наших земель. Свою вотчину надо знать. Только к троллям пока не суйтесь. Гордон предупредил, что опасны, заразы. Из тех тридцати, что в Заовражную низменность пойдут, двадцать пускай выделенные нам земли исследуют, карты составляют, все самое главное на них заносят... С картами твои люди справятся?

– Дык... какой же моряк в картах не разберется? – обиделся Семен.

– Вот и ладненько. Действовать осторожно. В конфликты с эльфами, гоблинами, троллями и прочей живностью не вступать. При случае вести разъяснительную работу. Объяснять, что земли эти по закону принадлежат новому боярину, который никого не собирается притеснять. Дескать, человек он, – царский сплетник ткнул себя пальцем в грудь, – спокойный, справедливый, предпочитает худой мир доброй ссоре, но, если на него наехать, очень сильно обидится, и тогда всей Заовражной низменности придет пипец. Так что пусть готовят делегатов для проведения мирных переговоров. Как только я в тех местах появлюсь, побеседуем. Намекайте, что со мной лучше дружить, чем воевать, и вообще сотрудничество со мной – дело очень выгодное для обеих сторон. Срок для этой операции даю месяц. Думаю, за это время успеете справиться. Это понятно?

– Понятно, – кивнул Семен. – А еще десяток куда направить?

– На чертову мельницу. Она тоже в наших землях стоит. У этого десятка будет такая же задача, как и у отряда, что в городе останется. Черти на этой мельнице поселились. Я с ними уже сталкивался, – задумчиво почесал юноша кулак, – вот и проследите за этой мельницей издалека. Куда эти черти ходят, кто к ним наведывается, чем они там занимаются. На это дело вам срок даю две недели. Справитесь?

– Запросто, – успокоил его Семен. – Только вот насчет карт...

– Что насчет карт? – нахмурился Виталик. – Ты же только что сказал, что с картами проблем не будет.

– Ага. Не будет, – подтвердил Семен, вытаскивая из-под стола тубус.

Открыв его, боцман выудил оттуда свернутый в трубочку лист бумаги, по плотности напоминающей ватман, широким движением руки смел все лишнее со стола, заставив весело загреметь посуду осколками по каменному полу, и расстелил на столешнице карту.

– Мы как узнали, что за земли тебе царь-батюшка подарить собирается, – гордо сказал Семен, – сразу решили скинуться и купили у купца иноземного карту твоих земель. Молодцы все-таки фрицы. Смотри, боярин, как аккуратно все разрисовали!

Виталик посмотрел на масштаб, указанный на карте, и ахнул.

– Ни хрена себе приусадебный участок отхватил! Да в Рамодановском крае областей такого размера нет.

– Земли гиблые, – пояснил Семен. – Потому тут никто и не селится.

– Мы не никто, мы поселимся и очень даже распрекрасно будем там жить, – потер руки Виталик. – Ну что ж, с этой картой ваша задача упрощается. И как это на эти земли никто не позарился?

– Ну, почему же не позарился? – хмыкнул Левша. – Там много беглых живет. От боярской неволи постоянно в Заовражную низменность бегут. Гордон не раз пытался поставить на эти земли боярина.

– И что? – полюбопытствовал Виталик.

– До сих пор ни один назад не вернулся, – вздохнул Левша. – Теперь, ежели царь-батюшка какому отпрыску боярскому эти землю отписывать начинает, так их родители в ножки ему сразу падают и денежки взамен этого боярства предлагают.

– И он, разумеется, берет, – усмехнулся Виталий.

– Конечно!

– Неплохую статью дохода себе придумал. Большие деньги на этом деле, похоже, поднял. Это на Гордона похоже. А я вот не отказался... может, и зря...

– Ничего не зря, – уверенно сказал Семен. – Раз холопы беглые там прижились, значит, нашли общий язык с местной нечистью, а коли они нашли, то и мы найдем!

– Молодец! Так держать! С такими орлами я, чувствую, здесь горы сверну! – расправил плечи Виталик.

– А то! – выпятил грудь Семен.

– Слушай, хозяин, – жалобно сказал Левша, – неужто мы твое боярство не обмоем? Мы тут готовились, готовились...

– А, ладно, – махнул рукой царский сплетник. – Так и быть, обмоем, но не увлекаться. Наливать по чуть-чуть! Не забывайте, у нас еще дела!

– О чем речь, боярин! – восторженно взвыла его свита и начала наливать. По чуть-чуть, но в такие огромные чары, что в этом чуть-чуть утонуть было можно!

Однако выпить они не успели. Двери трактира распахнулись, внутрь вошел Кощей Бессмертный в окружении своей охраны, следом за ним в трактир ввалился слегка покачивающийся Дон со своими людьми. Дон, как всегда, был в своей элегантной белой маске, на лицах охраны красовались маски черного цвета.

Свита новоиспеченного боярина тут же схватилась за мечи и ножи.

– Ша, ребята, это свои, – остановил свою паству царский сплетник, заставив криминальных авторитетов Великореченска невольно растянуть губы. Бывшие пираты поспешили убрать оружие.

– Что, боярство решил зажать? – с усмешкой спросил Кощей, приближаясь к столу Виталика.

– Да вообще-то я среди своих сначала решил отметить, – смутился юноша.

– Можно подумать, мы чужие, – усмехнулся Дон.

– С вами я потом отдельно хотел посидеть.

– Ловим на слове, – кивнул Кощей. – А пока подгон тебе от наших диаспор. Прими от нас подарочек.

– Приму, – не стал отказываться царский сплетник. – И где он?

– А ты выгляни в окошко, – посоветовал Дон.

Обычно таким способом в его мире крутым товарищам друзья дарили машины. В этом мире подарком могло быть все что угодно. А если учесть тухлую рыбку на крыше терема Янки, подарочек от Дона мог быть и с неприятным сюрпризом. Но, так как презент был совместный, а Кощей вряд ли в данной ситуации затеет какую подлянку, Виталик безбоязненно подошел к окну, распахнул его и высунулся наружу. Предчувствия его не обманули. Возле трактира стояла позолоченная карета с надписью на дверце «АВТО», в которую была впряжена тройка лошадей.

– Ну ни фиги себе!

Царский сплетник не удержался, выскочил в окно, попинал колесо и обошел карету с другой стороны, разглядывая подарок. На правой дверце кареты красовалась уже другая надпись: «раРИТЕТ». Мысленно соединив заглавные буквы обеих надписей, Виталик радостно заржал и вернулся в трактир тем же путем, каким только что вышел.

– Ну, вы оригиналы! А чего на лошадях сэкономили? Могли бы и двенадцать впрячь.

– Я думал об этом, – признался Кощей, – но Дон отсоветовал. С такой упряжкой по улочкам Великореченска не проедешь. На первом же повороте застрянешь. Он предложил шестерку запрячь, но тут уже я воспротивился. Ты у нас товарищ в авторитете, можешь неправильно понять. «Вы что, скажешь, за шаху меня держите?» А тройка самое то будет.

– Убедил. Значит, теперь у меня появился свой «мерин-шестисотый», – весело сказал юноша.

– Какой мерин?! – обиделся Дон. – Лучших скакунов в упряжку подбирали.

– Верю, – махнул рукой царский сплетник, внимательно разглядывая Дона. – Считаю, что просто глупо пошутил.

«А чего, собственно, ждать другого случая? – мелькнула в голове Виталика вполне здравая мысль. – Этот день все равно пропал, так на хрена еще и остальные портить? Дел же невпроворот!»

– Трофим! – крикнул царский сплетник. – Накрывай на всех столы. Боярин Войко Виталий Алексеевич сегодня с друзьями гулять изволит!

– Вот это по-нашему, по-русски! – треснул Виталика по плечу Дон. И добавил, повергнув последней фразой царского сплетника в шок: – Трофим! Нам с боярином и Кошеем отдельный столик. Будем соображать на троих!

* * *

Янка готовилась к приходу Виталика. Она твердо решила отметить такое важное событие в жизни своего постояльца, как получение боярского сана, ужином в теплой, романтической обстановке при свечах, и на этот раз обязательно наедине. Поэтому Ваське с Жучком был дан строгий наказ не тявкать, и не мяукать даже во дворе, и в терем дальше сеней носа не совать, как только постоялец вернется на подворье. Увидев на их мордах понимающие ухмылки, каждому отдельно ухватом пояснила, что постоялец их теперь в больших чинах, а потому вести себя с ним нужно уважительно, а еще лучше вообще на глаза не попадаться – ни ему, ни ей. При этом Янка понимала, что бушует, пытаясь скрыть смятение, в котором находилась ее душа. Чего она ждала от сегодняшнего вечера? Наверное, того, что... да, ско-

рее всего, если Виталик начнет опять приставать к ней со всякими глупостями, она не будет гоняться за ним с ухватом наперевес, как только что гонялась за Жучком и Васькой. Пора, наконец, решаться.

Девушка окинула взглядом столик, который накрыла в своей светелке, трепетно вздохнула. Не слишком ли откровенно? Ужин при свечах непосредственно в спальне... Янка подошла к зеркалу, посмотрела на свое отражение. Плотно облегающий ее стройную талию сарафан, отделанный спереди яркой золотой тесьмой, выгодно подчеркивал мерно вздымающуюся грудь юной красавицы и делал ее такой соблазнительной! Нет, сегодня Виталик не устоит! Хотя, чтобы его соблазнить, особо и стараться не надо. Ресницами взмахни, стан изогни, и он готов... Янка представила рухнувшего у ее ног постояльца, потрясла головой. Нет, этот не упадет. Скорее сграбастает в охапку и полезет целоваться. Да что это со мной? Вся горю! Девушка приложила ладошки к покрасневшимся щекам. Господи, мысли-то какие срамные в голову лезут! Кажется, я действительно в девках пересидела.

Бух! Бух!! Бух!!! Мощные удары со стороны двора заставили ее броситься к окну. Кто-то упорно ломился в ворота, не замечая входа в парадную дверь, ведущую через сени в терем. Со стороны улицы загомонили стрельцы, приставленные Гордоном к ее подворью для охраны. Она их, правда, выгнала со двора, сообщив, что ни в чьей защите не нуждается, так что пускай проваливают обратно под начало к сотнику Федоту, но стрельцы ее не послушались и с полудня ходили дозором вдоль забора и ворот.

– Ну, я вам сейчас... – Янка схватила ухват, который всегда стоял в ее светелке на всякий случай, и кинулась во двор. Там уже у ворот разминались Васька с Жучком, готовясь к битве.

– Открывай, – приказала Янка Жучку, сделав зверскую физиономию, и занесла ухват над головой.

Оборотень скинул засов, распахнул створки дубовых ворот и отпрыгнул в сторону. На пороге стояли две пошатывающиеся фигуры, между которыми висела третья в шубе с царского плеча и боярской шапке на голове.

– О! Хозяйка! – радостно сказал Кощей. – А мы тебе звоним, звоним.

– А нам никто не открывает, – промычал Дон.

– Уроды! – Янка вырвала из рук криминальных авторитетов Великореченска своего постояльца, кинула его Жучку. – Тащи этого алкаша в спальню.

– В чью? – на всякий случай потребовал уточнения Жучок.

– А ты догадайся с трех раз, – свирепо сказала девица.

– Тащи его в свою конуру, – посоветовал Васька, – точно не ошибешься.

– Так у меня ж там занято!

Янка на них внимания уже не обращала.

– А с вами я сейчас по-свойски разберусь, – посулила она Дону с Кощеем, перехватывая ухват половец.

Между криминальными авторитетами и разбушевавшейся ведьмочкой тут же грудью встали стрельцы.

– По-моему, нас тут не поняли, – пьяно икнул Кощей.

– По-моему, тоже, – промычал Дон.

Янка захлопнула ворота и наложила на них засов.

– Вот ведь уроды! Такой вечер умудрились испоганить!

4

Утро было просто кошмарное. Кто-то грубо расталкивал Виталика, пытаясь стащить с кровати.

– Ну что такое? – заныл царский сплетник, не открывая глаз. – На больничном я. Нет меня, умер. Не могу выйти на работу. Так и передайте главреду.

– Вставай, сплетник, – услышал он над ухом страдальческий голос Жучка. – Валить отсюда срочно надо!

До Виталика дошло, что он не в Рамодановске.

– Да охренел ты, Жучара! – Юноша с трудом открыл глаза, потряс головой. Лучше бы он этого не делал! Каждое движение отзывалось волнами дурноты, прокатывающимися по телу и бьющими набатом по мозгам.

– Быстрее! – шипела на них Янка.

– Да что случилось-то? – опустил ноги на пол Виталик и начал стыдливо поправлять на себе трусы. Его одежда в художественном беспорядке была разбросана по всей комнате. Отдельно неподалеку от кровати лежали шуба с царского плеча и боярский посох с шапкой.

– Жрать меньше надо, вот что случилось! – сердито шикнула на него девица.

Васька с Жучком, не обращая внимания на стоны сплетника, мучавшегося с дикого бодуна, начали натягивать на него кожаный костюм голландского моряка, купленный сплетником неделю назад, так как наряд, в котором он прибыл в этот мир из Рамодановска, был основательно изгваздан. Нацепив на грудь царского сплетника перевязь, они принялись заталкивать в нее пистолеты.

– Да скорее вы, – торопила их Янка, – стрелы вот-вот здесь будут. Надо до обыска его отсюда спровадить.

– Какой еще обыск? – возмутился Виталик. – Кто посмеет? Я боярин!

В качестве доказательства юноша нагнулся, сумел дотянуться до шапки и натянул ее себе на голову, умудрившись не упасть. Правда, в процессе разгибания его все-таки слегка занесло, и он опять плюхнулся на кровать.

– Идиот... – простонала Янка.

По лестнице уже громыхали сапоги. Васька с Жучком тут же уменьшились в размерах. Кот запрыгнул на подоконник, пес забился под кровать. В спальню ввалилась толпа бояр, и в ней сразу стало не протолкнуться.

– Ага! – радостно завопил Буйский. – Вот он иде сховался, супостат! Стража, хватай его!

– Слышь, борода, – поморщился царский сплетник, – не шуми. И без тебя башка трещит. И не переусердствуй, я теперь чай тоже боярин.

– Кончилось твое боярство! Лишили мы тебя его! – обрадовал сплетника Буйский.

– А вот это исключительная привилегия царя-батюшки, – хмыкнул юноша. – Только он может сана боярского лишить.

В спальню вошел хмурый, как туча, Федот в сопровождении двух стрельцов, замер в дверях.

– Ну, чего глазенки выпучил? – набросился на него глава боярской думы. – Вяжи супостата!

– Без приказа царя-батюшки... – с сомнением покачал головой Федот, – ...правов таких не имею. Чай, не смерд передо мной. Царский сплетник. Боярство вчера получил.

– Слушайте, – поморщился Виталик, – я что-то не пойму. Царь-батюшка на продолжение банкета меня требует? Так на хрена было столько гонцов засылать? Одного выше крыши.

И вообще, передайте ему, что больше не пойду. У меня от его пьянок уже башка трещит. Так и посинеть недолго.

– Все слышали? – еще больше обрадовался Буйский. – Свидетелями будете, как он непочтительно о царе-батюшке-то. А на пузе у него что? Видали? Пистолы огненного боя! Вот помяните мое слово: это он на царя-батюшку, кормильца нашего, злоумышлял. Он, изверг! Больше некому! А одежда на ём какая? Разбойник! Чисто разбойник! Царь-батюшка по доброте душевной должность ему государеву дал, саном боярским облагодетельствовал, а он...

Буйский замахнулся на юношу своим посохом и улетел, сшибая бояр, толпившихся за его спиной, сметенный мощным ударом ноги царского сплетника. Каким бы мутным Виталик ни был поутру, но профессиональные навыки не пропасть. Тело само сработало за него чисто автоматически, и, хотя он бил из положения сидя, удар получился на славу.

– Слышь, ты, боярская морда, – прорычал Виталик, поднимаясь с кровати. – Полегче на поворотах. В следующий раз за такие поклепы не в брюхо бить буду, а в рожу. А бью я так, что зубы вместе с челюстью наружу выношу. Если не веришь, могу продемонстрировать.

– Тать!!! Я же говорил: тать! – верещал Буйский, ворочаясь на полу. – Федот, взять его!

– Когда бояре дерутся, холопам лучше в сторонке постоять, – закатил глазки в потолок сотник.

– Неправильно излагаешь, – дыхнул на него крутым перегаром царский сплетник. – Когда бояре дерутся, у холопов чубы трещат. Господи! Как же трещит башка. И ваще, чего вы ко мне в такую рань пристали? Видите, у человека мигрень. Ему срочно похмелиться надо.

– На, – сдернула с подоконника жбан с рассолом Янка и сунула его в руки страдальцу, – похмеляйся! Да в себя скорее приходи! Не видишь, что ли? Дело против тебя серьезное затевается.

– Федот, – поднялся с пола Буйский, – ежели ты его сейчас не заарестуешь, сам на плаху пойдешь! По закону, в отсутствие царя-батюшки, пока царевич в возраст не войдет, от его имени глава боярской думы правит!

– Тут он прав, боярин, – тяжело вздохнул Федот. – Ты уж не обижайся, но я тебя в тюрьму сопроводить должен до разбора и суда праведного.

– Да что случилось-то? – выпучил глаза Виталий.

– Гордон пропал, – радостно загомонили бояре.

– А ты последний, с кем его видели!

– Ну и что? – пожал плечами юноша. – И потом, почему вы за царя должны править? А царица на что? Или Василиса Прекрасная тоже пропала?

– Дело царицы наследников воспитывать, за царевичем Никитой да царевной Аленой приглядывать, – ответил кто-то из бояр. – По законам нашим, женщина на престол взойти не может!

– А не зря он о царице-матушке вспомнил!

– Точно! Он ее околдовал! То-то она за него горой!

– Тоже мне, спаситель отечества! С Доном, с Кощеем и прочей нечистью в обнимку по Великореченску рассекает!

– Он небось нехристей обкуренных из тюрьмы и выпустил.

– Ассасины сбежали? – напрягся Виталик. Это ему уже не понравилось.

– Смотрите, бояре! Вид делает, что не знает! А сам с подельниками-то царя-батюшку небось и похитил.

– Хватит! – рывкнул Буйский. – Вяжи супостата, Федот! А сопротивляться будет, из всех пищалей по нем пали.

Сотник в явной растерянности посмотрел на царского сплетника, и вид у него был такой виноватый, что Виталику его стало жалко.

– Не дергайтесь, – протяжно зевнул юноша, – не буду я сопротивляться, сам пойду.

– Да ты с ума сошел! – простонала Янка. – На суд, что ль, праведный рассчитываешь?

– Не, отоспаться в спокойной обстановке рассчитываю, – честно признался Виталий, выдергивая из перевязи пистолеты и кидая их на кровать. – Но если кто посмеет меня хоть пальцем тронуть, – пригрозил он боярам и стрельцам, – голову оторву.

Юноша поднял с пола шубейку с царского плеча, потрянул ее, сунул под мышку.

– Будет чем накрыться. Ты, Федот, в камеру меня води, где соломка помягче, и передай всем, чтоб до завтрашнего утра не тревожили. Разбудят раньше времени – прибью.

– Сделаю, боярин, – поклонился ему в пояс Федот.

– Ну, тогда пошли.

Бояре шарахнулись в разные стороны, давая дорогу царскому сплетнику, воистину царственной, хотя и не совсем твердой походкой шествовавшему отсыпаться в тюрьму...

5

До тюрьмы царского сплетника везли с шиком, в его собственной карете, украшенной разбитой на две части надписью «АВТОРИТЕТ». Сиденье в ней было такое мягкое, а везли его так деликатно, что он успел заснуть уже на полпути, а потому не слышал ругани бояр с отрядом стрельцов, перегородивших дорогу.

– Ничего не знаем, – упрямо твердил чей-то голос, – царица-матушка приказала везти его прямо во дворец и вам, бояре, следовать туда!

– Я сейчас за царя! – буйствовал боярин Буйский.

– Я тебе дам «за царя»! – резко ответил ему грубый голос войскового воеводы боярина Кондыбаева. – Уж больно скор ты, боярин. Подозрительно скор. Я вот думаю: а не ты ли к делу сему черному руку приложил? Не пора ли тебя к Малюте на дыбу?

– Что?!! – взревел Буйский.

– Ничего! Пока царица-матушка добро не дала, ты есть холоп ее! – отрезал Кондыбаев. – Сотник, заворачивай во дворец!

– Есть во дворец! – отрапортовал явно обрадованный Федот.

Карету развернули, и она неспешно потрусила в обратную сторону.

Следом за ней спешили бояре, на ходу потрясая посохами, а между ними и каретой ехали на лошадях стрельцы, отсекая их от дрыхнувшего внутри кареты арестанта. Царица встретила их во дворе неподалеку от палат царских.

– Как посмели без моего ведома арестовывать мужа государственного? – гневно спросила она бояр. – Как посмели из повиновения выйти? Что? На плаху захотели?

– Царица-матушка! Тать он!

– Ты, хоть и царица, а все равно женщина. А женщины, они все без разумения, ничего не понимают!

– Вона на карете чего написано: «АВТОРИТЕТ!»

– Он, изверг, супруга твоего верного извел!

– Помнишь, он вчера хвастался, как легко из клетки уйти можно? Так оно и получилось. Тати, что царя-батюшку в термах римских убить норовили, с тюрьмы ночью сбежали. Его работа, не иначе. Вот с ними он кормильца нашего и порешил!

– С Кошеем снюхался, с Доном снюхался, тать он! На плаху его, вражину!

– Да ты на одежду его посмотри! Пират натуральный!

– Вы что, с ума сошли, бояре? – Голос Василисы подрагивал от ярости. – А кто недавно царя-батюшку от верной смерти спас? Вы или царский сплетник?

– Да он енто покушение и устроил небось чтоб апосля в доверие втереться!

– А ить байку-то какую вчера загинал! Черпахи! Ассасины опоенные! Какие ассасины? Тюремщиков поутру опоенных нашли, а татей и след простыл. Все по-евоинному получилось! Енто он знак кому-то байкой давал! Начинайте, дескать! У меня все готово! Ентою ночью царя-батюшку будем изводить!

– Где тюремщики? – хмуро спросила царица.

– Здеся! Тоже суда праведного ждут.

К Василисе подтащили едва держащихся на ногах тюремщиков с мутными глазами.

– Как случилось, что тати из тюрьмы сбежали? – спросила их царица.

– Мы дверь откры-ы-ыли-и-и, – растянул рот до ушей один из тюремщиков.

– А они как ломану-у-ули... – добавил второй.

– Видала, матушка? – завопили бояре. – Все, как царский сплетник баял вчера!

– И царя-батюшку он похитил!

– Нету кормильца нашего!

- Нету родимого!
- Казнить лиходея!
- Сначала я хочу царского сплетника услышать! – оборвала увлекшихся бояр Василиса.
- Извини, царица-матушка, – поклонился ей в пояс Федот, – вряд ли от него сейчас толк будет. Он вчера, видать, так хорошо боярство отмечал, что его сейчас лучше не тревожить. Он и в тюрьму-то согласился ехать, чтобы вокруг не галдели и дали ему там толком отоспаться.
- Согласился? – невольно усмехнулась царица.
- Ну да. А ежели бы не согласился, плохо б нам пришлось.
- Быть по сему. Вези его в тюрьму, Федот, в темницу самую надежную определи. Пусть проспится. И поставь на охрану команду своих самых надежных стрельцов. Никого к темнице не подпускать, кроме меня. Всех, кто к ней приблизиться посмеет, в шею гони.
- Но, царица... – застонала боярская дума.
- Боярина без царя судить нельзя! А в отсутствие царя его судить можно только полным составом боярской думы! – отрезала Василиса. – А у вас здесь далеко не полный состав.
- Так это мы мигом...
- И боярин должен иметь возможность отвечать на поставленные вопросы, – добавила царица. – Вези его, Федот, в тюрьму. Ты, я надеюсь, все понял?
- Все понял, матушка.
- Исполнять! – властно приказала Василиса.
- Слишком уж ты добрая к татам, царица! – не выдержал боярин Буйский.
- Добрая, злая... главное, за кем армия, – мрачно сказала царица. – Козьма, – обратилась она к боярину Кондыбаеву, – поднимай войско! Ежели кто из бояр смуту затеять посмеет, вязать и к Малюте в пыточную волочить либо казнь вершить на месте без суда и следствия по законам военного времени. Страже стрельцой, – повернулась царица к боярину Засечину, – усиленные наряды на улицах нести, и любую смуту, особенно со стороны бояр...
- Но, царица-матушка... – протестующее взревел стрелецкий воевода.
- Лишаю тебя воеводства! – рявкнула царица. – Федот! Городскую стражу и разбойный приказ под твою руку отдаю!
- Есть! – вытянулся сотник.
- А ты, Буйский, чтоб к полудню боярскую думу в полном составе в палатах царских собрал. Не соберешь, пеняй на себя. Я не Гордон. Скипетром никого охаживать не буду. Боярскую шапку долой, удел в казну, голову на плаху. Козьма, уделы боярские обложить войсками со всех сторон!
- Будет сделано, царица-матушка, – кивнул войсковой воевода. – Без твоего приказа никто из них со своего подворья носа не высунет, кроме тех, кому на заседании боярской думы быть. Ну, чего ждете? По домам, бояре, вас здесь только к полудню ждут.
- Как только ропщущие бояре покинули царский двор, Козьма Кондыбаев склонился к уху Василисы:
- Как бы чего не вышло, царица-матушка. Под моей рукой войск, конечно, много, но и у них людей хватает.
- Знаю. Обложить лишь те уделы и подворья, что ближе к Великореченску. Силы не распылять.
- Так ить с дальних уделов подтянуть могут.
- Что предлагаешь?
- Гордона искать надо. Только он междоусобицу остановить может. Не верю я, что сгинул наш кормилец.
- Я тоже не верю. Федот, а ты чего застыл?

– Ждал, когда бояре разойдутся, – ответил сотник, поглаживая рукоять сабли. – Мало ли чего...

Царица усмехнулась:

– Вези его в тюрьму, исполняй приказ. Да распорядись, чтоб квасу да рассолу ему в камеру побольше поставили и чего-нибудь поесть. Стрельцам, что в карауле стоять будут, пищали выдай. Пусть палят по любому, кто в камеру царского сплетника прорваться надумает. Кто бы ни пришел, боярин, не боярин, никого, кроме меня и Гордона, близко не подпускать! Пока вина не доказана – сплетник не виновен! И всех стрельцов предупреди, что боярин Засечин им теперь не указ.

Федот поклонился, запрыгнул в седло и дал знак кучеру трогать. Карета в окружении стрельцов тронулась в обратный путь по направлению к городской тюрьме, мерно стуча колесами по булыжной мостовой.

– Ах, как все это не вовремя, – пробормотала Василиса, глядя вслед карете. – Шемаханское посольство на подходе, а моего непутевого опять куда-то занесло. Нет, с этим надо что-то срочно делать...

* * *

Виталик сидел на охапке сена, периодически прикладываясь к жбану с холодным квасом. Как только жажда утолялась, юноша прикладывал жбан к голове.

– Мм... это ж надо было так надраться! Ну все. Больше ни грамма! Ни за какие коврижки! Ни царь, ни Дон, ни Кощей ни на одну рюмочку меня больше не уговорят. Я в завязке! А что вчера вообще было?

Царский сплетник помнил почти все, но строго до определенного момента. Помнил, как Кощей пришел в трактир с этим придурком в маске, помнил, как сидели, помнил, как гуляли, потом вроде куда-то еще поехали. В другой ресторан... у Трофима, кажется, все закончилось. А вот дальше ничего не помнил, и, как оказался на подворье Янки Вдовицы, мог только догадываться, а уж каким образом умудрился замочить Гордона и где их пути пересеклись, юноша вообще в упор не знал. Да и замочил ли? Вот в чем вопрос. Как говорят законники его родного мира: нет тела – нет убийства. Да и зачем ему мочить Гордона? Классный мужик, хотя и с придурью. И вообще, он же просто пропал! Может, у вдовушки какой завис, а тут такой кипеж подняли. Все-таки мудро продуман этот вопрос в его родном мире. В том, который в Рамодановске... блин! В котором Рамодановск! Виталик оторвал жбан от головы, приложил его к губам и еще раз отхлебнул. Заявления о пропаже принимаются только спустя трое суток. А тут и суток не прошло, и все уже на ушах. Виталик прикинул, что бы творилось в первопрестольной, если б из поля зрения охраны исчез президент... ну, хотя бы на пятнадцать минут.

– Да, неудачный пример.

Голубая тень, выскользнувшая из стены, заставила царского сплетника вздрогнуть. Он потряс головой, сделал еще один длинный глоток. Тень не исчезла.

– Допился. Глюки пошли. Белая горячка. Белка. – Виталик откинул в сторону опустевший жбан, яростно потер глаза. Голубой сгусток продолжал висеть в воздухе и исчезать не собирался. – Нет, на белку ты не похож. Колер не тот. И на охрану не тянешь. Стражники обычно через дверь заходят. Будем думать дальше: кто ж ты можешь быть? А может, сам подскажешь? В голове шумит. Не будем в шарady играть.

– Привидение, – обиженным тоном сказала тень. – Мог бы и сам догадаться.

– Ну и чего тебе надо, привидение?

– Испугать хочу.

– Знаешь, я так устал после вчерашнего, что пугаться сил нет, – тяжело вздохнул Виталик. – Да и чем меня испугаешь? Оборотня видел, бесов с чертями видел, с Кошеем вчера на брудершафт водку жрал. И чего мне после этого бояться? Тебя, воздушного, плевком перешибить можно. Так что иди, сердешный, не до тебя мне сейчас.

– Да что ж такое! – захныкал призрак. – Почему меня никто не боится? Эти, в черном, тут сидели не боялись, а теперь ты!

– В черном? – насторожился Виталик.

– Ага. Я к одному симпатичненькому попытался пристроиться, а он мне в глаз! Знаешь, как обидно!

– Ассасины... – дошло до царского сплетника. – А зачем ты к нему пристраивался?

– Так я ж голубое привидение, – проникновенно сказал призрак.

Вот тут Виталику действительно стало страшно, но он постарался виду не подавать.

– Попробуй только рядом сесть, – набычился сплетник. – Если я дам в глаз, тебе не только обидно будет.

– Ну хоть бы один нормальный узник попался, – заскулил призрак. – Такой, как я. Правильной ориентации.

– Приблизись – я тебя с твоей ориентацией оживлю, еще раз убью и здесь же закопаю! – пригрозил Виталик.

– Откуда знаешь, что меня убили? – удивился призрак.

– Все привидения не сами закончили земной путь. Как правило, им в этом помогали. – Заметив, что призрак между делом словно невзначай подплывает все ближе и ближе, юноша выудил из-за пазухи нателный крест. – Учти, если я буду бить, то с молитвой. Так что привидение ты или нет, но фингал тебе гарантирован.

– Противный! – отскочил назад призрак. – Вот и те той ночью с молитвой саданули. – Виталий присмотрелся. Под глазом привидения действительно темнел фингал. – А сами вон в тот угол забились и верещат: «Пихай, пихай!» «Куда пихай! Ты же не в ту дырку суешь!»

– Стоп! – оторопел сплетник. – Ну-ка с этого момента поподробней. Что-то я ничего не понял. Если они тебе отказали, то чем они там занимались?

– Вот и я о том! Я ж к ним со всей душой, а они от нормального общества отказываются. Оргию без меня устроили. И ведь чуть на волю не пропихались, а потом какая-то сволочь пришла и всех их выпустила. И опять я тут один сижу. Хорошо тебя ко мне посадили.

– Стоп! Не мельтеши. Кто их вывел?

– А я откуда знаю? Стрелец какой-то.

– Узнать сможешь?

– Не знаю. Темно было. Но если ты мне его на ночьку оставишь, то я его точно опознаю. Особенно если ты его раком поставишь.

Виталик коротко рассмеялся.

– А раком зачем?

– Да он, когда этих в черных одеждах от дырки оттаскивал, так встал, – мечтательно вздохнул призрак, – так встал! В этой позе точно опознаю.

Как ни трещала у Виталика башка, но он заржал еще сильнее.

– Ты чего? – обиделось привидение.

– Да вот представил себе процедуру опознания. Весь стрелецкий приказ раком...

– Давай! – азартно потер голубенькие ручки призрак.

– Обсудим это позже. Значит, выпустил ассасинов стрелец, говоришь?

– Ага. Через дверь, и камешек за ними заложил.

– Какой камешек? – вскинулся сплетник.

– Вон тот, – указал призрак куда-то в угол камеры.

И тут до Виталика дошло. Он подошел к указанному месту и сразу увидел неровную трещину в стене. Зацепив ее пальцами, потянул на себя. Под ноги ему упал камень. Царский сплетник засунул в образовавшуюся дыру руку, пошарил там.

– Н-да-с... старательные ребята, эти ассасины, – хмыкнул он. – Какие-то жалкие четыре дня землеройных работ, и они почти на метр приблизились к свободе. Так вот чего они здесь пихались. Разом в одну дыру протиснуться пытались. Радуйся! Они тебя все-таки испугались!

– Правда? – расцвело голубое привидение.

– Зуб даю!

– Глупые они, – махнуло ручкой голубое привидение. – Противные и глупые. Обратились бы ко мне, я бы их сразу выпустил.

– Это как? – заинтересовался Виталик.

– А ты во-о-о-он на тот камешек нажми. – Голубое привидение указало на неприметный камень неровной кладки узилища чуть не под самым потолком всего в двух метрах от дырки, прорытой ассасинами.

Виталий встал на цыпочки и послушно нажал. Каменная плита плавно отошла в сторону, открывая черный зев подземного хода. Он, как и ход ассасинов, был не особенно велик, длиной всего три-четыре метра, зато кончался зыбким маревом портала, призывно мерцающего черными ртутными волнами, по которым изредка пробегали золотые искорки.

– Мой любви-и-имый для меня сделал, – ностальгически вздохнуло голубое привидение.

– Опаньки! – обрадовался царский сплетник. – И куда этот портал ведет?

– Откуда я знаю? На привидения портал не действует.

– Стоп, а зачем твой возлюбленный его для тебя делал, если на привидения портал не действует?

– Я тогда еще не был привидением, – грустно вздохнул призрак. – А вот как этот придурок ошибся на три метра со своим порталом, такой взрыв был, что меня тут и прихлопнуло. Вот теперь я вокруг этой камеры и брожу. Узников иногда посещаю. Раньше хоть Кеша заходил...

– Кеша – это кто?

– Возлюбленный мой. Он, после того как меня своим порталом прибил, долго горевал. Вход сюда окультурил. Если камера от узников свободна, сразу через портал ко мне, а я его уже тут дожидаясь. А последние сто лет, как Кеша умер, так скучно стало!

– Если подскажешь, как эту плиту потом за собой закрыть, я тебя развеселю.

– Как?

– Подскажу начальнику тюрьмы, чтоб в эту камеру почаще узников подсаживали. Как правильной, так и неправильной ориентации. Одних будешь пугать, других иметь. У Малюты сразу работы убавится. Все еще до дыбы сознаваться начнут. А уж об испанском сапоге я и не говорю.

– Ой, противный! – жеманно изогнулось голубое привидение. – Я на тебя молиться буду! С той стороны есть такой же камешек. Вот этот.

Призрак скользнул в подземный ход и указал на аналогичный камень, который должен был закрыть проход.

– Спасибо, друг, за мной не заржавеет.

Царский сплетник раздумывал недолго. Голова, хоть и плохо, но уже работала, и что-то говорило ему, что на свободе гораздо проще отстаивать свою правоту и доказывать невиновность, чем в тюрьме, а потому он поднял с пола шубейку с царского плеча и решительно нырнул в подземный ход. Каменная плита пришла в движение и аккуратно встала на место, закрывая проход.

6

На этот раз заседание боярской думы проходило под бдительным присмотром войсковых стрельцов в синих кафтанах, которых боярин Кондыбаев понатыкал в палатах царских на каждом углу. Не меньше взвода их, с заранее заряженными пищалями наготове, стояли и позади трона, на котором восседала Василиса Прекрасная. Намек был настолько откровенный, что не понять его мог только лишь ну очень тупой, и, как ни были злы бояре на Гордона, доставшего их своими постоянными поборами, хоть они и скрипели зубами, но пока молчали, сердито сверкая глазами на царицу, перехватившую бразды правления из рук главы боярской думы, который действительно по закону должен был исполнять сейчас обязанности царя.

– Итак, что вы имеете против нового боярина, спасшего вашего царя от лютой смерти? – грозно спросила царица, открывая заседание боярской думы.

– Говорили уже с утра, – поднявшись с лавки, сердито буркнул Буйский.

– Орали, а не говорили. Отдельные личности орали, – одернула его царица. – Сейчас хочу выслушать ваши претензии при полном составе думы! Я хочу знать мнение всех! Высказывайтесь.

– Да чего тут высказываться? – подскочил боярин Кобылин. – Он, враг, царя-батюшку сгубил, больше некому. Мне мои холопы доложили, что видали царского сплетника, когда он с Малютой о чем-то шептался. Тот к нему в ножки падал, не погуби, орал. Вот помяни, царица-матушка, и его тать совратил на дело лютное.

– Опять же разбойникам с тюрьмы бежать помог, – подхватил боярин Жадин.

– Ить, все по-евоинному, по байке его вышло! – не в силах сдержаться, разом загалдели бояре.

– Енто он нарошно ее надысь рассказал.

– Издевался, собака! Вот, мол, какой я вумный! План тайный в открытую вам выложил, а вы, тугомудрые, и не поняли.

– А мы все поняли!

– Все!

– Да полно тебе, Кобылин! Какой такой план? – заволновался кто-то из боярской думы. – Ну, загнул царский сплетник байку глупую, ну и что?

– Верно, Надышкин! Зависть их черная гложет, что царь-батюшка сплетника выделил да возвысил, – поддержал Надышкина боярин Калита.

Боярская дума разом загалдела. Теперь, когда она собралась в полном составе, да еще и под усиленной охраной войсковых стрельцов с заряженными пищалями, мнения сразу разделились, на что и рассчитывала хитроумная Василиса Прекрасная. Тем не менее самые упрямые под предводительством главы боярской думы боярина Буйского продолжали упорствовать в своих заблуждениях.

– Так у нас доказательства есть! – вопил Буйский. – И свидетели.

– Какие еще свидетели? – нахмурился боярин Калита.

– Стрельцы, которые татей, на царя-батюшку злоумышлявших, стерегли. Ну, этих... асса... сса... ассасинов. Тьфу! Пока выговоришь, язык свернешь. Ну, да дело не в том. Добрые были стрельцы, а тут словно околдовал их кто! Так до сих пор и гундосят про то, как разбойники мимо них ломанулись! Кто их околдовать такими словами мог? Тот, кто байку нам надысь таку рассказывал. А то, что колдун он черный, люди давно уже бают! Видали, как он с прихвостнями Кощея, Тугариным Змеем да Соловьем-разбойником, колдовством черным бился.

– А вас не напрягает, что он именно с прихвостнями Кощея бился? – усмехнулась царица. – Вы тут сидите губами шлепаете, а он с разбойниками бился! Делом свою преданность царю-батюшке доказывал. И Гордона потом опять-таки не вы, а он спасал!

– Для виду!

– Чтоб в доверие втереться!

– Царя-батюшки нет, разбойников выпустил.

– Сейчас венценосного пытаются, небось!

– А може, уже закопали!

– Бандит он!

– А какую Кощей с Доном ему карету презентовали!

– А на карете-то что написано! «Авторитет»!

– Царица-матушка! Надо врага немедленно пытаться, а потом казнить!

– Распятъ!

– Четвертовать!

– Голову отрубить!

– А потом повесить!

– Слышал бы вас сейчас Малюта, – невольно усмехнулась Василиса, – обязательно предложил бы потом испанский сапожок на нем примерить. Что еще можете сказать, бояре? Только предупреждаю сразу: новые способы казни не предлагать. Уже и так больше чем достаточно. По делу говорите.

– А того, что сказано, еще мало? – возмутился Буйский. – Половина Великореченска может подтвердить, что он с Доном и Кощеем якшается. Слухи ходят, что они Русь-матушку уже на троих поделили. Скоко раз мы Гордону об этом говорили! Не прислушался к умным людям.

– Вот и поплатился за то венценосный наш!

– Бояре! – крикнул Буйский. – Пока дело до смуты не дошло, предлагаю избрать нового царя по законам да обычаям нашим исконно русским.

– А не спешишь ли ты на трон, Буйский? – подскочил к нему боярин Калита. – Царя-батюшку еще не нашли, не похоронили, а ты...

– Дык смута начнется, пока искать будем!

– Ты это нас на что толкаешь? На провокацию?

– А не ты ли, варначьа твоя душа, эту смуту затеял да на царя-батюшку злоумышлял? – вцепился в бороду Буйскому боярин Надышкин, которого за соответствующую внешность за глаза звали Медведем. Он давно уже метил на место главы боярской думы, а тут такой случай!

– Верно! – поддержал друга боярин Путятин.

– Бей его, бояре!

– Изменщики!!! – заверещал Буйский.

– Так, бояре! – хлопнула в ладоши Василиса, привлекая к себе внимание. – Вы тут пока на измене посидите, разберитесь между собой. Даю вам на это свое царское разрешение, а мне такими пустяками заниматься недосуг, дел много. Начинайте прения.

– Занимайся делами, матушка, – пробасил Медведь, – а мы тут по-свойски потолкуем. – Дородный боярин рванул на груди кафтан и боднул лобастой головой главу боярской думы, смыв ему в лепешку нос.

– Ура!!! Медведь на нашей стороне!

– И Путятин тоже!

Боярская дума приступила к прениям. В воздухе замелькали посохи и кулаки. Василиса удовлетворенно кивнула, поманила к себе пальцем Кондыбаева.

– В их свару не вступать.

– А ежели они друг друга...

– Не расстроюсь. А кто выживет, тот потом и окажется виноват, – сказала царица, покосившись на катающийся по полу клубок бояр. – И все по закону будет.

– Понял, – хмыкнул Кондыбаев.

– Сам понимаешь, толку последнее время от этих пустобрехов мало, а вреда хоть отбавляй. И ненадежны все, собаки. Сегодня глотку рвут за царя, а завтра уже нож в спину всадить норовят. Тебе пока верю. Потому и воеводой войсковым держу.

– Спасибо, государыня.

– Твоя задача их отсюда не выпускать, пока я во всем, что произошло, сама не разберусь. К Никитушке с Аленкой охрану приставил?

– Лучших стрельцов на это выделил. Покои царевича и царевны два полка сейчас охраняют. Муха не пролетит.

– Добро, – поднялась царица.

– Куда ты, матушка?

– Сплетника проведать. Думаю, уже пришел в себя, сердешный. Ты тут за прениями присматривай, и пусть твои стрельцы наготове будут. В случае чего пуль не жалеть.

– Понял.

Василиса направилась было к выходу, но тормознула, увидев скромно стоящего в углу худощавого боярина.

– А ты чего стоишь, Вольфыч? – поинтересовалась царица.

– Все предатели, все! – сразу запетушился боярин, в драку по-прежнему предпочитая не вступать. – Всех на кол! А я потом лично тебя на престол выдвину. Монархия спасет Россию! Вот я верный какой! Цени! А за этих, царица-матушка, не волнуйся. Я, в случае чего, их добью потом, – воинственно тряхнул посохом постоянный член боярской думы.

– Правильным путем идешь, боярин, – рассмеялась царица и поспешила выйти из тронного зала, так как там уже в ход пошли лавки в качестве оружия.

Покинув дворец, Василиса села в золоченую карету, уже ждавшую ее у парадного входа.

– Трогай, – приказала царица.

Кучер, заранее предупрежденный о маршруте следования, подхлестнул лошадей, и карета в окружении почетного караула стрельцов в алых кафтанах, что говорило об их принадлежности к городской страже, загромыхала в сторону тюрьмы.

– Свежие новости есть, Федот? – окликнула Василиса бывшего сотника, а ныне главу городской стражи и разбойного приказа, скакавшего рядом с каретой.

– Пока нет. В Великореченске все спокойно. Никто бунт и смуту не сеет. Вот только царя-батюшку все найти не могут. Мои люди весь город перерыли. Как в воду канул.

– Не накаркай. О Кощее и Доне ничего не слышно?

– Тоже пропали. Теперь в Великореченске только один криминальный авторитет остался – царский сплетник.

Эти слова нового главы разбойного приказа чем-то так встревожили царицу, что она высунулась из окошка и раздраженно крикнула кучеру:

– Ты что, заснул там? Гони давай!

Свистнул кнут, и лошади сорвались в галоп. Великореченск, хоть и был столицей всея Руси, но особо большими размерами не отличался. Тюрьма для особо опасных преступников находилась здесь же, в Верхнем граде, а потому через пару минут они были на месте. Стрельцов к тюрьме Федот подогнал целую кучу. Как минимум три взвода контролировали ее по периметру, и столько же, если не больше, находилось внутри. Василиса одобрительно кивнула, увидев, что Федот к своим новым обязанностям отнесся серьезно и царского сплетника охраняют на совесть.

– Веди.

Федот двинулся впереди, показывая путь к камере царского сплетника. Стрельцы при виде царицы земно, в пояс кланялись и спешили вытянуться во фронт. Они быстро спустились в подземные казематы.

– Как он там? – спросил Федот стрельцов, несших караул около входа в камеру с узником.

– Навроде того, что оклемался, – растянул рот до ушей один из стрельцов.

– Какой оклемался! Сам с собой только что разговаривал, – возразил ему его напарник. – Не слышал, что ль, как он с зеленым змием беседу вел?

Увидев выступившую из-за спины Федота Василису, стрельцы поспешили склониться в низком поклоне. Царица подошла к двери камеры, прислушалась.

– Тихо вроде.

– Ага. Минут пять, как затих, – подтвердил охранник.

– Открывайте! – приказала Василиса.

– Они не могут. Я на всякий случай ключи с собой забрал.

Федот выудил из кармана ключ и начал ворочать им в замочной скважине.

– Это ты молодец, – одобрила царица. – Со мной пойдешь, а вы, – повернулась она к стрельцам, – здесь охраняйте.

Федот открыл дверь, они вошли в камеру и замерли у порога, не в силах вымолвить ни слова. Вернее, слова-то, скорее всего, у них были, но такие, которые в приличном обществе обычно не говорят.

На соломе лежал опустошенный жбан, несколько пустых кувшинов из-под кваса, кувшин с рассолом и поднос с нетронутой едой, которая Виталику с дикого бодуна в глотку не лезла. А вот самым царским сплетником в камере и не пахло... Хотя нет, истины ради надо признать, что пахло. Да еще как! Камера пропахла свежим перегаром так, что Василиса поспешила заткнуть пальчиками носик.

– Утек, – глубокомысленно изрек Федот, посмотрел на ключ в своих руках и начал багроветь.

– Спокойно, Федот, – прогундосила царица, не рискуя разжать нос. – Я тебе верю.

– А может, боярская дума права? – растерянно пробормотал сразу успокоившийся Федот.

– Вряд ли... я черные души насквозь вижу. И нет у него нужды на царя-батюшку злоумышлять. Хотел бы известить, просто не стал бы спасать тогда в римских термах. А он спасал, да еще как! Самого чудом с того света вытащили. Прикрой-ка дверь. О том, что сплетник тоже исчез, пока никому знать не обязательно. А я подумаю...

Федот поспешил захлопнуть дверь и на всякий случай даже запер ее изнутри. В этот момент затрещала стена камеры, и на пол с грохотом рухнул каменный блок. Василиса с Федотом едва успели отпрыгнуть в сторону.

– Чего застрял, хвостатый? Вперед!

В камеру ввалились Васька с Жучком, а следом за ними вымазанная в какой-то саже и земле чумакая Янка.

– Царица-матушка! – загрохотали в дверь стрельцы с другой стороны. – Что случилось?

– Все в порядке, – откликнулась Василиса, не сводя глаз с племянницы.

– Тихо вы там! – прикрикнул на своих подчиненных Федот. – Если что потребуется, сам позову.

– Ой, а ты чего здесь делаешь, тетя? А где Виталик? – завертела головой Янка.

– Ну, если не ты его свистнула, то я даже не знаю, – пожала плечами царица. – Я ведь первым делом на тебя подумала.

– Тихо, – насторожился Федот, вздернув вверх палец.

За пока еще целой стеной послышалось шуршание.

– Да тут же тупик! – донесся оттуда чей-то сердитый голос. – Куда ты завел нас? Не видно ни зги!

– Ви мне так хорошо заплатили, шо я просто не мог заблудиться! Ви только стеночку аккуратнo подвиньте!

– Да я тобой сейчас эту стеночку подвину!

– Да ви только попробуйте!

Судя по тому, что рухнула еще одна стена, кузнец предпочел ее прободать, а не подвигать. В камеру ввалилась команда Виталика с Семеном во главе, и в ней сразу стало тесно.

– Капитан, ты где? Ой, – осекся Семен, увидев царицу, и вжал голову в плечи.

– Тихо, – подняла ручку Василиса. – Что-то мне говорит, что вы не последние.

Она не ошиблась. Неподалеку от хода, пробитого Янкой и Васькой с Жучком, что-то зашуршало, заскрежетало, и оттуда донесся приглушенный камнем голос:

– Отче, отче, поаккуратней киркой работайте! Вы же мне чуть глаз не выбили!

Из стены выпало несколько камней, и в камеру просунулась всклокоченная голова Патриарха Всея Руси Алексия Третьего.

– И вы здесь, ваше святейшество, – укоризненно покачала головой царица, – тоже по душу царского сплетника пришли?

– Грешен, матушка, – честно признался патриарх. – Денег в этого отрока много вложено, а церковь не любит терять деньги, предназначенные на святое дело. Да и не верим мы, что царский сплетник на государя помышлял. Мученик он, мученик! Раз на святое дело подписался, значит, не злодей он, а мученик! Не верим!

– Интересно, вы последние или еще кто сюда пожалует? – усмехнулась царица.

– Да из людей сплетника здесь вроде все, – пожал плечами Федот.

– Сюда не только его люди хотят прорваться, – фыркнула Василиса, и все тут же получили подтверждение ее слов.

Раздалась третья стена, и в черном проеме еще одного подземного хода появились покачивающиеся фигурки Кощея Бессмертного и Дона. Они стояли в обнимку, старательно придерживая друг друга, чтобы не упасть.

– Ну и где наш сплетник? – помычал Дон. – Мы его долго будем ждать?

– Вот как с таким на троих соображать? – Кощей был возмущен не меньше Дона. – И почему бухло так быстро кончается? Надо было Тугарина за добавкой послать.

– Так сплетник сам метнуться вызвался!

– А мы, дураки, отпустили. Теперь будем знать, что этого мальчишку только за смертью посылать можно.

– Слушай, так это ж было до того, как мы к Янке продолжать гулянку поперлись.

– Точно! А она его у нас отобрала.

– А кого ж мы тогда за бухлом отправили?

– Не помню.

– А сюда зачем приперлись?

– Царского сплетника спасать.

При виде этой парочки Василиса сначала выдохнула с огромным облегчением, а потом начала багроветь.

– А теперь слушайте меня все, – не предвещающим ничего хорошего голосом сказала царица. – **ВОН ОТСЮДА!!!**

– Ой, Дон, извини, у меня дела, – начал на глазах трезветь Кощей Бессмертный. – Когда племяшка начинает злиться, у-у-у... – Бессмертный злодей развернулся и исчез в темноте подземного хода.

– Я с тобой! – ринулся за ним Дон.

– Тыфу! – не по-царски сплюнула в сердцах царица, что и послужило сигналом к паническому бегству. Да какому! Не прошло и десяти секунд, а камера практически опустела. В ней остались лишь Василиса и Федот.

– Ну, сплетник, ну, подлец! – не могла прийти в себя царица, – всех перебаламутил! Пусть только появится еще раз в моем царстве-государстве, я с ним по-свойски разберусь! Начальника тюрьмы ко мне!

Федот отпер дверь.

– Царица-матушка начальника тюрьмы к себе требует! – рявкнул он.

Начальник тюрьмы, плотный, слегка потеющий от страха мужичонка (известие, что тюрьму соизволила посетить сама царица-матушка, крутой нрав которой ему был известен, сильно перепугал сердешного ввиду недавнего побега трех преступников), уже ждал под дверью, а потому тут же просочился внутрь и замер, выпучив глаза на развороченные стены.

– И как это понимать? – холодно спросила царица.

Начальник тюрьмы молчал. Да и что он мог сказать, когда и так ясно, что произошел еще один побег и, судя по количеству подземных ходов, возможно, не в одном направлении.

– Проходной двор, а не тюрьма! Наймешь работников и замуруешь эту камеру намертво! Под самый потолок замуруешь! Каменщиков наймешь за свой счет! Исполнять!

Разгневанная Василиса покинула тюрьму в не самом лучшем настроении.

– Куда теперь? – Едва поспешал за ней Федот.

– С думой разбираться. На царствие им, значит, захотелось? На трон залезть не терпится? Сейчас они у меня получают трон. Да со всего размаху! Сначала от меня, а потом от царя-батюшки!

– Так он же пропал.

– Ничего, – мрачно сказала Василиса, – найдется. Ох, он у меня найдется! – многообещающе покачала головой царица.

7

Виталик кубарем покатился по мягкому, местами зеленому, местами бурому мху, усеянному коричневыми прошлогодними сосновыми иголками, и раскорячился в довольно неприличной позе. Портал вышвырнул его в сосновый бор, и прямо на выходе юноша запнулся о торчащий из земли корень.

– Зар-р-раза! – энергично выругался царский сплетник и поспешил подняться. – Словно на заказ... хотя чего ждать от любовника голубого привидения. Наверняка специально подстроил, чтоб сразу к делу приступить.

Виталий огляделся. Сосны, сосны, сосны во все стороны без конца и края, а под ногами песчаный грунт, покрытый мхом, сосновыми иголками и шишками.

– И куда меня занесло? – почесал затылок царский сплетник, задрав голову. – А лес-то строевой. Из таких стволов только корабельные мачты делать. Если эта красота к Великой реке выходит, я бы на месте Гордона сплавом занялся. Найти бы только эту Великую реку. Хотя, в случае чего, можно и назад вернуться.

Юноша обернулся и понял, что обратного пути нет. За корнем, о который он споткнулся, росла огромная сосна в полтора обхвата толщиной – и никакого намека на портал.

– Портальчик-то, похоже, односторонним был или одноразовым, – расстроился царский сплетник, на всякий случай попинал корень, но вызвал не портала шишку, звонко шлепнувшую его по темечку.

Виталик опять задрал голову и увидел мелькнувший меж сосновых веток рыжий беличий хвост.

– Ах ты!

Юноша поднял с земли шишку, запустил ее в обратный полет и, что интересно, попал. Белочка возмущенно зацокала и ответила градом новых шишек. Била она прицельно, и Виталику пришлось удирать из зоны обстрела.

– Намек понял, – тяжело вздохнул юноша, – допился. Белки уже присутствуют. Это тоже запишем на счет державного. Подгадил он мне с боярством. Пока это дело со всеми отметишь, да каждому отдельно простишься, не только почки с печенью отвалятся, но и еще кое-что запросто откажет. Не-эт, с бухлом точно надо завязывать. Все условия для выхода из запоя имеются: свежий воздух, природа и дикое желание выпить и пожрать. Выпить, естественно, воды.

Надо сказать, что аппетит у юноши действительно на свежем воздухе начал просыпаться, но больше всего парня доставал сушняк, и он сильно пожалел, что не догадался захватить с собой из камеры хотя бы один кувшин с рассолом. Итак, первая задача: вода. Ее надо срочно найти. Виталик сел на зеленый мох, прислонился спиной к сосне и начал искать воду на первых порах чисто теоретически, так как физические силы были подорваны зеленым змием. Его взгляд упал на муравейник, который маленькие работяги устроили у корней соседней сосны.

– Если мне память не изменяет, – глубокомысленно изрек юноша, – мураши свое жилище строят с южной стороны. Значит, юг сейчас за моей спиной. И что это нам дает? А ни фига нам это не дает. Если бы я знал, в какой я стороне от Великореченска нахожусь... а ведь на природоведении, помнится, обещали, что эти знания обязательно помогут. И тут надули. Никому верить нельзя! Сюда бы мой мобильник с GPS-навигацией... хотя толку от него! До спутников этой Руси еще ой как далеко!. Продолжаем рассуждать логически. Я в лесу... – Виталик на всякий случай постучал по корню дерева, к которому прислонился. – Лес присутствует, – с удовлетворением отметил он, – а какой лес без тропки? Должны же люди в лес по грибы ходить? Должны. И делать они это обязаны по тропам. Хотя нет... по

тропам они в лес идут, а потом в поисках грибочков разбредаются кто куда. Но тропы-то все равно должны быть! Отсюда вывод: если я найду тропу, то обязательно найду и людей, которые просто обязаны быть либо в начале, либо в конце тропы. Гениально! Виталик, – погладил сплетник себя по головке, – ты нигде не пропадешь.

Закончив монолог, юноша начал искать глазами тропку и, как ни странно, нашел! Сидя, не удосужившись даже подняться!

– И как это я тебя сразу не заметил? – удивился царский сплетник. – Так, теперь надо понять, звериная это тропа или человеческая.

Как это сделать, юноша в упор не знал, но природная смекалка и тут не подвела.

– Звери гадят где попало, – в очередной раз осенило «гения», – а люди предпочитают нырять в кусты. Следовательно, надо искать помет. Если он на тропинке – значит, звери постарались, а если в кустах, значит, наш брат постарался.

– А если и там, и там нагадили? – услышал парень чей-то ехидный голос.

Виталик встрепнулся, начал вращать головой. Поблизости никого не наблюдалось.

– Не, с бухлом точно надо завязывать, – рассердился парень, решительно поднялся на ноги и уже более внимательно посмотрел на тропинку. Судя по муравейнику, притулившемуся с южной стороны сосны, она вилась между деревьев с запада на восток. – В моем мире относительно цивилизованный мир располагался ближе к западу. Вот туда мы и пойдем!

Юноша перекинул через плечо царскую шубейку и двинулся по тропинке в сторону цивилизации, похмельными глазами осматриваясь по сторонам. Глаза у него были такими мутными, что он не заметил, как эта тропинка начала плавно забираться влево, заводя его на первый круг, а как только его широкая спина исчезла за деревьями, из дупла соседнего дерева послышалось радостное хихиканье.

Эту ночь Виталик провел меж корнями могучего дуба. Тропинка за день трижды вывела его в смешанный лес, где он утолял жажду у звенящего ручья, затем обратно в сосновый бор, а на четвертый раз, услышав звон ручья, царский сплетник припал к этому живительному источнику и решил не уходить от него, пока окончательно не приведет себя в чувство. И правильно сделал. Не будь сплетник такой бухой, заметил бы, что все встреченные им ключи, бьющие из-под замшелых камней, были подозрительно похожи друг на друга. Поутру парень поднялся свежий, бодрый и голодный. Жутко голодный. Очистившийся от алкогольного дурмана организм срочно требовал пищи, которой Виталик не мог ему дать. Ближайший трактир был далеко, на горизонте ни одной зверушки, и, что самое обидное, ни одной спички в кармане, чтоб развести огонь и поджарить добычу, которая к тому же все еще бежит где-то по лесу. Увидев лежащую неподалеку сухую дубовую ветку, юноша обломал с нее лишние сучки, соорудив себе что-то вроде дубины.

– Сейчас бы лося или кабана какого завалить, – мечтательно вздохнул он. – Сырыми бы сожрал! И куда все подевались?

Виталик прислушался: не хрустнет ли под потенциальной пищей ветка? Может, где-то там и хрустело и трещало, но голодное урчанье в животе заглушало все звуки. В принципе умереть с голоду Виталик не боялся. В спецназе их готовили хорошо. «Спасибо Петровичу, – мысленно поблагодарил своего инструктора сплетник, – с одним ножом в лес выкидывал. И это в январе! Сейчас при себе ножа, правда, нет, но зато дубинка есть, и лето на дворе. Не пропаду! На малинник или кислицу какую набреду. Главное в этом деле – в малиннике на медведя не набрести. Хотя... медвежатины я еще не пробовал».

Юноша поднял с земли горностаевую шубу с царского плеча, служившую ему в этом походе и матрасом, и одеялом, вступил на тропу и вновь решительно двинулся вперед. На этот раз он был вполне адекватен, а потому выдал весь свой запас ненормативной лексики, когда через два-три часа наткнулся на тот же самый ручей, берущий начало под тем же самым камнем.

– ...Зар-р-раза!!! – минут через пять начал плавно заканчивать свой энергичный монолог царский сплетник. – Морду бы набить за такую подлянку, а некому. Это какая сволочь меня по кругу водит?

Татуировка на груди, которой его снабдила когда-то древняя индусская богиня Парвати, ощутимо нагрелась, и от нее по телу царского сплетника прокатилась жаркая волна. Тропинка тут же исчезла, и он увидел, что стоит посреди шумящей на ветру дубравы девственного леса, а под ногами мягко пружинит мелкая трава, пробившаяся сквозь мох, усеянный желудями. Камень, правда, был на месте, и из-под него все так же бил родник, а около гордо торчала пятнистая шляпка мухомора в окружении группы грибов, смахивающих то ли на поганки, то ли на сыроежки. Парень присмотрелся внимательней. Нет, точно сыроежки, и это очень кстати.

– Что, взяли? – злорадно крикнул юноша неведомому врагу. – Я за Парашкой как за каменной стеной. Гоп-шлеп, и свежие сыроежки к столу. Вовремя я на них нарвался. А вот ты, пятнистый, нарвался на меня. И зря. Я не лось, я мухоморы не ем.

Виталику просто необходимо было куда-то скинуть лишнюю негативную энергию, а потому он бросил царскую шубейку на землю, размахнулся своей дубиной и со всей дури зарядил по мухомору. Результат превзошел все ожидания. Мухомор исчез. Буквально за долю секунды до удара он просто испарился в воздухе.

– Сволочь! Ты не лось, ты козел! Дубиной по морде? Ты мне за это еще ответишь! – Из-за соседнего дуба, росшего метрах в пятидесяти от родника, выглянула красная пятнистая шляпка. – Я на тебя таких натравлю... таких натравлю! Не жилец ты больше! – Мухомор погрозил царскому сплетнику маленьким, бледненьким кулачком, вынырнувшим из-под бахромы на его тонкой ножке, и вновь испарился в воздухе.

– А вот за козла ответишь, – крикнул ему вслед Виталик. – Странно, грибочки еще вроде не ел, а глюки уже пошли. У-у-у... – расстроился юноша, – еще один шаг в сторону Кащенко. А какой антураж! Здесь Деда Мороза только не хватает. «Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, синяя?» Нет, грибок-боровичок вроде не в «Морозко» был... Хотя почему? Именно в «Морозко»! Только Ивану авторы сюжета боровичок заготовили, а мне какие-то ненормальные мухомор подсунули. Вы-то хоть нормальные? – спросил сплетник у сыроежек.

Грибы молчали. Это обнадеживало. Виталик сорвал парочку на пробу, внимательно осмотрел их. Вроде не поганки. Мысленно перекрестившись, юноша без особого удовольствия, но все же съел их. Желудок сказал – мало! Царский сплетник был не жадный и дал желудку еще. Но, как только он прикончил последний грибочек, понял, что «сыроежки» его обманули: начались глюки.

Глюки материализовались перед юношей в виде эльфов в зеленых охотничьих костюмах. Если бы они посыпались с веток деревьев или выскочили из кустов, сплетник бы так сильно не нервничал: о том, что на Руси уже завелись эльфы, Гордон его предупреждал, но они возникли буквально из ниоткуда, и это юношу напрягло. Глюки. Точно, глюки. Парень закрыл глаза, помотал головой и снова робко поднял веки. На него в упор смотрели наконецники стрел с туго натянутых луков.

– Ребята, уйдите, а? – взмолился Виталик. – Клянусь, грибы есть больше не буду. Ни белых, ни красных. А уж мухоморы вообще за сто верст начну обходить.

Луки медленно опустились. Эльфы переглянулись.

– Вроде признает свою вину, – задумчиво сказал один из них, – и лешего обещает не трогать.

– Даже маринованного огурца под водку не коснусь! – клятвенно сложил ручки юноша, на несколько секунд зажмурил глаза, еще раз открыл.

Эльфы не исчезали. Виталик сделал еще одну попытку. Он закрыл глаза и начал вспоминать: перед кем еще провинился. Вспомнил быстро.

– Господи! – взмолился он. – Прости меня! Обязуюсь притащить этой белке в два раза больше орехов, чем она в меня шишек кинула! Нет, столько притащу, что ей не только на эту зиму, а и еще на десять лет вперед хватит! Был бы тут поблизости кедр, я б его целиком ей спилил вместе с шишками: пусть грызет, зараза!

– Спилишь? – Голос «глюка» звучал уже не так благожелательно.

– Нет-нет! Сорву, настучу! Пусть жрет, родная!

– Оговорился...

– Это понятно...

– О лесе вроде тоже заботится.

– И следов костра не видно.

– Может, леший чего напутал?

– Ребята, скажите честно: вы мне снитесь или меня нахлобучило после беленьких... брр... После сыроежек? – потряс головой Виталик и открыл глаза.

После дикой пьянки с Кощеем и Доном юноша скорее был готов поверить в глюки, чем в леших-мухоморов.

– Что такое «беленькие»? – удивился эльф, стоявший прямо напротив царского сплетника.

– Слышал я, что у людей, – задумчиво потер узкий, продолговатый подбородок эльф, стоявший по соседству, – так называется огненная вода. Говорят, сильнее мухоморов цепляет.

– А ваш леший случайно не тот мухомор, который от меня удирал? – на свою голову попытался уточнить сплетник.

– Он признается, что угрожал хранителю леса! – заволновались эльфы.

– А чего он меня по кругу второй день водит? – обиделся Виталик. – У меня уже кишка за кишку от голода завернулась, а он, вместо того чтоб к людям вывести, измывается, гад!

– Наш леший это может, – невольно усмехнулся первый заговоривший с Виталиком эльф.

– И что с ним делать будем?

– А давай сдадим его Хозяйке.

– Или Гордону.

– Вот уж с кем я связываться бы не стал. Лучше Хозяйке!

– А может, отпустим? Вроде лес блюдет и белок любит.

«Ну, это смотря каких белок, – мысленно поправил парень эльфа, – белых люблю не очень. Можно даже сказать, совсем не люблю».

– Пусть совет клана решит его судьбу.

– Какой совет? Забыли, куда мы идем и что несем?

– Тсс...

Эльфы зашушукались, и, как Виталик ни напрягал слух, до него доходили лишь отдельные фразы.

– ...правильно.

– ...к этим отведем.

– ...хвастались, что от самого царя-батюшки работают, вот им и карты в руки.

– А разве не на Хозяйку?

– На Хозяйку, но с разрешения Гордона. Хотя кто ж их разберет!

– Ладно, сдадим его вместе с оброком.

Эльфы, похоже, приняли решение.

– С нами пойдешь, – сообщил Виталику суровый эльф, небрежным взмахом руки открывая в дубраве тропу.

Виталик протянул вперед руки.

– Ты чего? – опешил эльф.

– А вы что, руки-ноги вязать не будете? – удивился юноша.

– Размечтался! Чтоб потом на горбу тебя тащить? Иди. Куда ты от нас денешься? Пикнуть не успеешь, как наши стрелы тебя в ежика превратят.

– Насчет того, как вы стреляете, наслышан, – хмыкнул Виталик. – Ребята, а можно вопрос?

– Можно.

– Что светлые эльфы делают в русских землях?

– Живут, – нахмурился суровый эльф, который, по всей видимости, был здесь главой отряда.

О том, что эльфы мигрировали сюда из западных земель, сплетник уже знал, но ему хотелось докопаться до первопричины этой миграции.

– И что заставило вас перебраться на чужбину?

– Лучше не спрашивай, – скрипнул зубами эльф. – Пусть избавит вас судьба от столь горькой участи. Но учти, человек: этот лес, наш новый дом, мы никому не отдадим и будем стоять за него насмерть!

– А вы здесь с разрешения местной администрации или как? – деликатно спросил Виталик, сообразив наконец, что его занесло в подаренные ему Гордоном земли Заовражной низменности.

– Не понял? – нахмурился эльф.

– Ну, у Гордона разрешения спросили?

– У нас есть разрешение. – Тон, которым ответил Виталику эльф, не располагал к дальнейшим расспросам, но юноша все же рискнул:

– Ни за что не поверю, что Гордон что-нибудь кому-нибудь за просто так отдал. Наверняка вам землю в аренду сдал. Я угадал?

Эльф неопределенно пожал плечами.

– Чем за аренду расплачиваетесь?

– То не твоего ума дело! – еще грознее нахмурился эльф. – Любопытный ты больно.

– Еще какой! Тем не менее намек понял. Еще один-два вопроса – и все. К вам Гордон сюда случайно бояр не засылал?

– Появлялись здесь порой странные люди, – усмехнулся эльф. – Грамотки поддельные от царя-батюшки нам под нос тыркали.

– А почему поддельные? – заинтересовался Виталик.

– Так у нас же с Гордоном уговор, – эльф посмотрел на Виталика как на больного, не заметив, что невольно проговорился, – как он мог эти земли еще кому-то отдать?

– Святая простота! – удрученно вздохнул царский сплетник. – Видел бы ты, как одну и ту же жилплощадь аферисты сразу десятку клиентов загоняли. И что вы с этими странными людьми делали?

– К троллям направляли, – усмехнулся эльф. – В бумажке и их земли были описаны. Оттуда они уже не возвращались. Тролли – народ своеобразный. Они не головой, они желудком думают.

– Ну, Гордон! Ну... – Дальше фразу Виталик продолжил уже мысленно, во избежание ненужных эксцессов со стороны арендаторов подаренных ему угодий.

Тут царский сплетник вспомнил, что Гордон категорически запретил ему соваться к троллям, пока не укрепится на новой земле, и немножко успокоился. Все-таки немедленной смерти державный ему не желал, а за каким чертом без всяких объяснений подсунул ему

этот опасный дар, можно будет выяснить и попозже, при личной встрече, если она, конечно, состоится.

– Иди, – опять кивнул эльф в сторону тропинки.

Делать было нечего. Виталик перекинул царскую шубейку через плечо и в сопровождении солидного караула двинулся в путь. Как заметил юноша, большинство эльфов, хоть и были вооружены луками и короткими мечами в элегантных ножнах на боку, выступали в основном в качестве грузчиков. За спиной у них висели довольно объемистые мешки пятнисто-зеленого камуфляжного цвета, отдаленно напоминающие туристические рюкзаки. Судя по тому, что сильно плечи эльфам они не оттягивали, набиты рюкзаки были чем-то объемным, но не очень тяжелым. Рядом с царским сплетником быстрым бесшумным шагом шел глава эльфийского отряда. Как и конвоиры Виталика, внимательно наблюдавшие за каждым жестом юноши, он шел налегке. Эльф искоса поглядывал на горностаевую шубу Виталика.

– Откуда это у тебя, – не выдержал наконец он.

– Подарок, – коротко ответил юноша и задал встречный вопрос: – Куда идем?

– К смотрящим, – так же коротко ответил пожилой эльф.

Виталик чуть не споткнулся на ровном месте.

– К кому?!!

– К смотрящим леса идем, – повторил эльф. – Я что-то не так сказал?

– Уж так правильно... И что они из себя представляют?

– Кто?

– Ссмотрящие.

– Ну... они такие, с рожками.

– Черти, что ли?

– Вы, люди, их так и называете, – кивнул эльф. – А еще бесам зовете. Не знаю, за что уж вы их так не любите, но для нас они твари безобидные. Хозяйка им приказала за этими местами присматривать. Вот мы и прозвали их смотрящими.

– А кто здесь у вас Хозяйка? – Виталику становилось все интереснее.

– То тебе знать не положено. Ты лучше, пока есть время, своим богам молись, чтоб смотрящие не приказали тебя сразу казнить, а на суд Гордона или Хозяйки отправили.

– Да за что? – возмутился царский сплетник.

– За обиды, нанесенные лешему. И радуйся, что мы не застали тебя на месте преступления.

– Уже радуюсь. А о каком преступлении идет речь?

– Ну, если бы ты огонь начал в лесу палить или вырубкой занялся, мы бы тебя и вести никуда не стали. Казнили бы сами на месте.

– И какой смерти вы бы меня предали?

– Мы казним по-разному. В малинник голым сажаем.

– А зачем голым?

– Чтоб медведи твоей одежкой не давились. Им тоже иногда мясца откусать хочется. Не одну ж малину им жрать. Еще промеж берез тебя можно было поставить.

– Это как? – слегка завибрировал царский сплетник, хотя прекрасно знал этот вид казни.

– Сгибаются две березы...

– Понял, не продолжай. Садизм натуральный. Ребята, если выживу, обещаю прислать к вам на стажировку одного товарища. Малюта обожает изучать новации: пытки всякие извращенные, казни. У вас другие способы умерщвления есть?

– А как же! Можно голышом в муравейник посадить...

– Заметано! Скоро у вас будет очень благодарный ученик. А то он задолбал нас всех своим испанским сапогом.

– Еще можно медком обмазать и к диким пчелам сунуть, – начал делиться своим богатым опытом эльф.

– Не, вы, ребята, точно садисты. Не буду я к вам Малюту засылать. А то попадусь опять к нему в лапы, и он все эти способы на мне же и испытает.

– Угу... так и запишем. Признаешь свою вину. Видать, не раз уже в пыточной бывал. Я слышал, Малюта у царя Гордона палачом работает.

Эльф поднял с земли упавшую со стройной березы бересту и что-то начеркал на ней острием стрелы.

– Э! Ты на меня лишнего не вешай! – заволновался Виталик.

– Сам сознался.

– Все, ребята, молчу. Без адвоката теперь ни слова!

За неспешной беседой время текло быстро. Лес внезапно раздался, и Виталик увидел до боли знакомый мостик через мелкую речушку, за которой скрипела старая мельница...

8

Сомнений не было. Это была та самая мельница, в которой он сравнительно недавно гонял чертей. Чертова мельница! Здесь все так же шумела вода, падая на лопасти водяного колеса, где-то внутри вхолостую крутились жернова, вот только входная дверь была новая, дубовая, свежеструганная. А около ступенек крыльца, ведущих к этой двери, клубилась огромная толпа, состоящая из гномов, эльфов, орков, троллей и прочей нечисти. Среди этой толпы сновали то ли черти, то ли бесы, пытаясь как-то организовать это странное сборище в очередь. Их Виталик опознал по характерным тюбетейкам, под которыми наверняка скрывались рожки. В этом юноша не сомневался, так как один такой экземпляр, упакованный Янкой в табакерку, до сих пор лежал у него в кармане.

Как только эльфы с Виталиком перешли мостик, к ним тут же подскочил один из координаторов в тюбетейке. Царский сплетник поспешил отвернуться, чтобы не быть раньше времени опознанным. Вряд ли рогатые успели забыть своего обидчика и теперь, пользуясь его положением пленника, могли запросто отыграться. Глава эльфийского отряда молча протянул вперед руку, и черт что-то начертал на его ладони углем.

– Ваш номер семьсот тридцать пятый, Эльсин, – сообщил черт и вновь скрылся в толпе.

– Часа три ждать придется, – удрученно вздохнул Эльсин, нашел глазами свободное местечко на берегу реки и кивнул в сторону еще не занятого никем пятачка. – Расположимся там.

Виталик тоже повертел головой. Практически вся территория вокруг мельницы была забита отдельными группами самых разнообразных существ, устроивших привал в ожидании своей очереди; что интересно, среди них были и люди! Причем достаточно много, и они, в отличие от остальных существ, прибыли сюда не на своих двоих, а на телегах, забитых самыми разнообразными товарами. В основном это была сельскохозяйственная продукция, но попадались и повозки, груженные расписной глиняной посудой и различными деревянными поделками явно русских мастеров. Справедливости ради надо сказать, что гномы тоже прибыли не пешком. На их повозках грудой лежали блестящие кольчуги, ножи, топоры... Глаза Виталика жадно заблестели при виде полуобнаженной сабли в элегантных ножнах, инкрустированных драгоценными камнями, лежавшей в повозке, мимо которой отряд эльфов в тот момент проходил. Хищный синеватый блеск клинка его заворожил.

– Что, нравится? – усмехнулся стоявший у повозки бородатый гном.

– Так и хочется в руки взять, – признался юноша. – Классная работа.

– Двигай, – нахмурился Эльсин, подтолкнув парня в спину, – не для тебя этот клинок кован.

Эльфы добрались до выбранного их предводителем места на берегу реки, где и расположились на отдых, оперативно накрыв «поляну» на зеленой травке, так как решили заодно и подкрепиться.

– Подсаживайся. – Эльсин передал царскому сплетнику солидный ломоть белого хлеба.

– Я так понял, пришло время платить налоги? – Виталий кинул на землю шубейку с царского плеча, сел на нее около импровизированного стола, представлявшего небольшую скатерку со снедью, и по примеру остальных эльфов макнул ломоть в плошку с душистым медом. – Оброк своему арендодателю принесли?

– Угадал, – кивнул Эльсин.

– И чем расплачиваетесь?

– Вот настырный, – покачал головой эльф.

– Я не настырный, я просто от природы жутко любопытный.

Тут внимание юноши привлекла пара троллей, стоявших неподалеку от мельницы, около которых суетился черт в русской косоворотке и нерусской тюбетейке. Черт совал троллям под нос какую-то картину в аккуратной деревянной рамочке и что-то втолковывал им, азартно размахивая руками. Причем втолковывал больше мимикой и жестами, чем словами, так как морды мохнатых громил не были отмечены печатью интеллекта. Черт тыкал пальцем в картину, а потом чиркал ребром ладони по своему горлу, наглядно поясняя, что надо делать с тем, кто на ней изображен. Как понял Виталик, на холсте был намалеван не пейзаж, а чей-то портрет.

А вот тролли ничего не поняли. Они озадаченно чесали затылки, пытаясь сообразить, чего от них хотят. Черт закатил глаза к небу, прошептал что-то явно нецензурное и начал пояснять более наглядно. На этот раз он разыграл целую пантомиму. Подняв с земли палку, черт взвалил ее на плечо на манер дубины и медленно, вразвалочку двинулся вперед, старательно подражая походке троллей. При этом он прикладывал руку козырьком ко лбу, словно защищая глаза от солнца, и делал вид, будто старательно кого-то выискивает, смотря по сторонам. Затем, словно увидев цель, черт замер, выставил перед собой портрет и начал переводить взгляд с него в пустое пространство и обратно, якобы сверяя портрет с оригиналом, после чего шарахнул по этому никому не видимому оригиналу своей палкой-дубинкой. Рот одного из троллей расплылся до ушей. Он понял.

Понял, правда, по-своему. Тролль вырвал из рук черта картину, передал его своему другу на изучение и, пока тот тупо ее созерцал, шарахнул своей дубинкой по его голове. От удара бедолага ткнулся носом в портрет, свел глаза в кучку и растянулся на зеленой травке отдыхать, а его коллега тут же начал требовать с черта расчет за проделанную работу. Черт, с трудом дотянувшись до головы наемника, выразительно постучал кулачком по его лбу и начал тыкать пальцем в портрет, поясняя, что гасить надо того, кто на нем изображен, а не того, кто уже лежит. Наемник почесал затылок и начал исправлять положение. Вырвав из рук своего «отдыхающего» коллеги портрет, он положил его ему на лоб и замахнулся дубинкой еще раз. Черт заверещал, повиснув на его руке, и начал объяснять все с самого начала.

– Я смотрю, дело здесь поставлено, – хмыкнул юноша. – Криминальный бизнес цветет и пахнет.

– Это ты о чем? – не понял Эльсин.

– Это я вон о тех придурках, – кивнул царский сплетник в сторону троллей, – и ваших смотрящих. Это ж какими идиотами надо быть, чтоб таких дебилов в качестве киллеров нанимать.

Эльфы переглянулись.

– Да ты никак грамотей. – Эльсин окинул царского сплетника внимательным взглядом. – Слова иноземные разумеешь. По-аглички изъясняешься. Научился где?

– В Караганде, – сердито пробурчал царский сплетник. – И не спрашивайте меня, в какой части Великой Британии она находится. Все равно не скажу.

Опять начиналась эпопея с иностранными языками, которые он в упор не знал. Совсем недавно его этим Гордон доставал, теперь вот эльфы взялись. Что за напасть? Виталий поднялся.

– Ты куда? – нахмурился Эльсин.

– Руки помыть, – продемонстрировал ему липкие от меда ладони парень.

– Иди, – разрешил Эльсин.

Виталий спустился к реке, сел на корточки и начал мыть руки.

– Ку-ку, – тут же закуковал лес с другого берега реки. – Ку-ку, ку-ку...

– Какое ку-ку, идиот? – донесся до юноши из лесных зарослей еле слышный шепот. – Не видишь, с него эльфы глаз не сводят, а двое уже стрелы на луки наложили. Не успеет он через речку сигануть.

– Наш кэп да не успеет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.